

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Б.В. Титлинов

**Московский митрополит
Платон (Левшин) и его участие
в церковно-правительственной
деятельности своего времени:**

**к столетию со дня его кончины,
2 ноября 1812 г. 2 ноября 1912 г.**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 11. С. 1199-1260.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Московскій митрополитъ Платонъ (Левшинъ) и его участие въ церковно-правительственной дѣятельности своего времени.

(Къ столѣтiю со дня его кончины, 11 ноября 1812 г.—11 ноября 1912 г.).

11-го ноября сего 1912 г. исполняется 100 лѣтъ со дня кончины одного изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ XVIII вѣка, московскаго митрополита Платона Левшина. «Не стало Платона! закатилось свѣтило, столько лѣтъ полнотный край освѣщавшее, и своею зарею проникшее во всѣ страны Европы. Закатилось свѣтило, Вѣнценосцемъ Россійскимъ толико любезное, и нерѣдко въ исполинскомъ ихъ шествіи предходившее. Закатилось свѣтило Церкви, слава нашего вѣка, удивленіе потомства, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе народа!»¹⁾ Такъ выражалъ свое горе надъ останками архипастыря одинъ изъ церковныхъ витій того времени. И эти слова въ данномъ случаѣ не были однимъ риторическимъ приемомъ. Платонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя дѣйствительно пользовались безспорнымъ уваженіемъ общества, приобрѣли себѣ популярность, которую не въ состояніи были подорвать никакія случайности судьбы. «Къ вамъ публика имѣеть слѣпое уваженіе»—такъ, быть можетъ невольно, оцѣнилъ авторитетъ Платона Императоръ Александръ I, на склонѣ жизни святителя, при послѣднемъ свиданіи ихъ 6 дек. 1809 г.²⁾ Платона знали и почитали Государи и вельможи,

¹⁾ Надгробное слово архим. Евгенія. См. у Снегирева изд. 1891 г. ч. II, стр. 184.

²⁾ Снегиревъ, Жизнь московскаго митрополита Платона. Изд. 4-е, 1891 г., ч. II, стр. 30.

корифей вѣка, русскіе и иностранцы. Екатерина поручала ему религиозное воспитаніе цесаревича Павла Петровича. Павелъ, а также и его супруги, дарили его самой искренней дружбой. Павелъ и Александръ I получили корону изъ рукъ Платона. Императоръ австрійскій Іосифъ II, путешествовавшій по Россіи въ 1780 г., нашель, что въ Москвѣ онъ видѣлъ самага замѣчательнаго—Платона. Потемкина Платонъ считаль другомъ; Панинъ, Разумовскій и другіе вельможи объяснялись ему въ особомъ расположеніи. Державинъ, Мерзляковъ и другіе поэты воспѣвали московскаго Платона. Вольтеръ говорилъ, что подъ проповѣдями Платона не постыдился бы подписаться и греческій Платонъ. Въ папскомъ Римѣ считали его первымъ русскимъ іерархомъ; въ Итали гравировали его портреты. То было, дѣйствительно, «свѣтило, своею зарею проникшее во всѣ страны Европы».

При такой громкой и широкой извѣстности, при такомъ ореолѣ славы, естественно было бы ожидать, что Платонъ явится и руководителемъ церковно-правительственной дѣятельности своего времени, что онъ станеть у кормила церковнаго корабля. Жизнь Платона совпадаетъ какъ разъ съ одною изъ наиболѣе яркихъ страницъ нашей русской жизни. То былъ блестящій вѣкъ Екатерины II, императрицы-философа, замышлявшей пересоздать все государство на новыхъ началахъ; то было «дней александровыхъ прекрасное начало», когда составлялись проекты коренныхъ государственныхъ преобразованій и чувствовалось всюду вѣяніе молодого идеализма. Церковь, какъ извѣстно, тоже не оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Общее теченіе политики постоянно захватывало ее и на очередь ставились самыя разнообразныя церковныя вопросы. Кому бы, казалось, въ такое время стоять впереди и направлять теченіе церковныхъ дѣлъ, какъ не тому іерарху, имя котораго повторялось по всей Россіи и за границей? Умъ, дарованія, авторитетность—все было у него. Тѣмъ не менѣе, однако, судьба судила иначе. Митроп. Платону не удалось въ свое время не только быть руководителемъ высшаго церковнаго управленія, но даже и имѣть на него сколько-нибудь существенное вліяніе. Ходъ церковной политики скоро оставилъ его въ сторонѣ и «полночному свѣтилу» приходилось лишь издали наблюдать за церковными событіями, въ качествѣ зрителя, но не творца ихъ. Объясняется это съ перваго взгляда странное явленіе отчасти тогдашними обстоятельствами, отчасти личнымъ характеромъ самого Платона.

Митр. Платонъ, въ мѣрѣ Петръ Левшинъ, родился 29 іюня 1737 г. Онъ былъ сынъ причетника села Чашникова московской епархіи. Образование Платонъ получилъ въ московской Славяно-Греко-Латинской академіи, гдѣ еще до окончанія полного курса, въ 1757 году, занялъ должность учителя пѣтическаго класса. На этомъ поприщѣ 20-лѣтній Петръ Левшинъ скоро же приобрѣлъ себѣ извѣстность въ Москвѣ, какъ выдающійся проповѣдникъ. Ему было поручено толкованіе катехизиса по воскреснымъ днямъ въ академической аудиторіи, куда допускались и посторонніе слушатели. Его истолковательныя проповѣди производили столь необычное впечатлѣніе, что его прозвали московскимъ Златоустомъ. Масса желающихъ слышать молодого проповѣдника стекалась въ аудиторію. Черезъ годъ, однако, эта аудиторія разсталась съ своимъ учителемъ. Платонъ былъ назначенъ учителемъ риторики въ Троицкую Лаврскую Семинарію. Здѣсь онъ 14 авг. 1758 г. принялъ монашество съ именемъ Платона, а 20 іюля 1759 г. былъ посвященъ въ іеромонахи и назначенъ префектомъ семинаріи и учителемъ философіи. Въ 1761 г. онъ получилъ мѣсто ректора семинаріи. На этихъ первыхъ шагахъ дѣятельности и суждено было ему впервые познакомиться съ высшими правительственными сферами, что открывало ему болѣе широкое поприще.

Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ настоятелемъ Лавры архим. Гедеономъ, Платонъ нѣсколько разъ по его вызову прїѣзжалъ въ Петербургъ въ 1759—1760 гг., гдѣ Гедеонъ проживалъ по должности члена Св. Синода. Въ первый разъ Гедеонъ вызвалъ къ себѣ Платона на сырную недѣлю 1759 г.; второй разъ лѣтомъ того-же года, причемъ молодой намѣстникъ прожилъ въ столицѣ 6 недѣль, и въ третій разъ лѣтомъ 1760 г. Въ этотъ третій прїѣздъ Платону пришлось встрѣтиться съ видными вельможами того времени, приближенными ко двору. Встрѣча произошла въ праздникъ 5-го іюля, въ Ново-Сергіевской пустыни петер. епархіи, куда были приглашены знаменитые гости—графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Платонъ успѣлъ обратить на себя вниманіе вельможъ проповѣдью, а еще больше личною бесѣдою и выгодной наружностью. Самъ Платонъ въ автобіографіи говоритъ объ этой встрѣчѣ съ Разумовскимъ и Шуваловымъ слѣдующее: «Они, увидѣвъ Платона и полюбовавшись выгодною его наружностью, вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ матеріяхъ. Платонъ былъ въ разговорѣ свободенъ и ве-

сель. Они настолько его полюбили, что Г. Шуваловъ захотѣлъ его представить Императрицѣ, съ тѣмъ, чтобы его отправить на своемъ коштѣ въ Парижъ въ Сорбонну для усовершенствованія, и хотя младому монаху сего и желалось, но архимандритъ на то не согласился»¹⁾. Таково было первое знакомство Платона съ высшими сферами. Очевидно, молодой монахъ имѣлъ въ своей наружности и поведеніи нѣчто особенно привлекательное. Онъ умѣлъ непринужденно бесѣдовать съ вельможами, говорить о вещахъ, интересныхъ людямъ общества, въ тонѣ, отвѣчающемъ духу вѣка. Эта способность очаровывать бесѣдою, поражать собесѣдниковъ умомъ, находчивостью и разносторонностью была всегда присуща Платону въ послѣдствіи. Должно быть эти качества ярко проявились въ первомъ же соприкосновеніи съ свѣтскими сановниками и положили начало Платоновой карьерѣ. Предъ Платономъ готовъ былъ открыться доступъ ко Двору—источнику власти и всякаго благополучія. Если Шуваловъ хотѣлъ его представить Елизаветѣ, какъ кандидата въ Парижъ, то Разумовскій, узнавъ его искусство въ пѣніи, приглашалъ его съ собою въ Петергофъ, какъ пѣвца, который навѣрно понравится Государынѣ. Правда, на этотъ разъ представленіе не состоялось. По словамъ Платона, ему помѣшалъ изъ зависти бывший при Разумовскомъ «кривой Шубскій»²⁾. Но, несомнѣнно, человѣкъ, снискавшій особое расположеніе первыхъ приближенныхъ Государыни, сталъ на дорогу къ высшимъ званіямъ. Дѣло было только во времени. Поѣздки въ Петербургъ оказались полезными Платону и съ другой стороны. Во время петербургскаго пребыванія онъ «имѣлъ счастье благосклонно принять быть первенствующимъ тогда архіереемъ, митрополитомъ Новгородскимъ Димитріемъ Сѣменовымъ, который его съ того времени, по самую смерть, яко за друга почиталъ...; также сталъ знаемъ и другимъ архіереямъ, яко то: Палладію, епископу рязанскому, Порейрію, епископу коломенскому, Сильвестру Кулябкѣ, архіепископу с.-петербургскому»³⁾. Такимъ образомъ Платонъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ высшія церковно-правительственныя сферы. Его узнали члены Синода; полюбилъ первенствующій митрополитъ. Въ связи съ вниманіемъ Шувалова и Разумовскаго,

¹⁾ Автоб. Платона, см. въ прилож. къ 4-му изд. „Жизни“ Платона Снегирева, ч. II, стр. 215.

²⁾ Ibid. ³⁾ Ibid.

это значило уже много. Не надо забывать, что Платону было тогда всего 22—23 года и все будущее его было впереди.

Такъ, Платонова карьера начиналась при самой благоприятной обстановкѣ. Умѣнье привлекать къ себѣ окружающихъ облегчало его первые шаги. По словамъ автобіографіи, онъ «былъ отъ всѣхъ любимъ», ближайшее начальство относилось къ нему дружески ¹⁾. Если бы дольше продолжалось царствованіе Елизаветы, то несомнѣнно Платонова звѣзда поднялась бы высоко еще при этой государынѣ. Впрочемъ, и перемѣна цѣрствованія не задержала ея восхожденія. Уже въ первые годы Екатерины II судьба устроила ему то, что не удалось при Елизаветѣ,—личное знакомство съ Монархиней, это обычное начало всякой выдающейся карьеры. Въ 1862 г., послѣ коронаціи, императрица посѣтила Лавру и Семинарію. Ректоръ Платонъ говорилъ привѣтственную рѣчь и видимо произвелъ на высокую посѣтительницу особое впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ въ мартѣ слѣдующаго 1863 г., именнымъ указомъ именно ему повелѣно быть намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры вмѣсто выбывшаго Иннокентія, хотя было Платону тогда всего неполныхъ 26 лѣтъ. Въ скоромъ времени послѣдовало новое посѣщеніе Лавры государыней, въ маѣ 1763 г., по пути въ Ростовъ на переложеніе мощей св. Дмитрія Ростовскаго. Намѣстникъ Платонъ встрѣчалъ императрицу и въ ея присутствіи произнесъ одну изъ своихъ замѣчательныхъ проповѣдей—«О пользѣ благочестія». Впечатлѣніе получилось еще болѣе сильное. Императрица проповѣдь велѣла тотчасъ напечатать. Платона пригласили къ царскому столу. Здѣсь онъ имѣлъ новый случай обратить на себя вниманіе. За столомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ генераль-прокуроромъ кн. Я. П. Шаховскимъ, бывшимъ тогда въ особой милости у государыни. Князь разговорился съ Платономъ «о разныхъ матеріяхъ» и, видимо, былъ такъ же пріятно пораженъ, какъ въ свое время Шуваловъ и Разумовскій. Ихъ оживленную бесѣду замѣтила императрица и обратилась къ Шаховскому: «князь, вы ни какъ полюбили отца намѣстника, что съ нимъ, не переставая, говорите». На это князь отвѣтилъ: «это, Государыня, не чело-вѣкъ, а уродъ», и на вопросъ, что это значитъ, пояснилъ: «я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивиль...»

¹⁾ Ibid. стр. 216.

меня.. удивило, что сей монахъ въ столь молодыхъ лѣтахъ столько знанія имѣеть; и потому я его называю уродомъ» ¹⁾. Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на Платона, а онъ, «сія слыша, внутренне Бога благодарилъ за такое мило- стивое судебъ Его дѣйствіе». И дѣйствительно, по тѣмъ вре- менамъ, этого было достаточно, чтобы выдвинуть человѣка. Намѣстникъ былъ замѣченъ. Императрица приглашала его съ собою въ Ростовъ, отъ чего онъ, однако, отказался подъ пред- логомъ болѣзни. Но вниманіе императрицы было фиксировано прочно. Въ скоромъ времени, по возвращеніи изъ Ростова въ Москву ѣздившихъ туда первенствующихъ іерарховъ—митро- полита новгородскаго Димитрія, архіеп. спб. Гавріила и кру- тичкаго архіеп. Амвросія, митр. Димитрій объявилъ Платону, что онъ будетъ учителемъ у наслѣдника Павла Петровича. Это сообщеніе было тѣмъ неожиданнымъ, что какъ разъ передъ поѣздкой въ Ростовъ, проѣздомъ въ Лаврѣ, тотъ же Димитрій говорилъ Платону, что въ учителя наслѣднику уже избранъ ректоръ московской академіи архим. Гавріилъ (Петровъ, бу- дущій новгор. митрополитъ). Оказалось, что въ бытность въ Ростовѣ императрица спрашивала Димитрія о Платонѣ, по- хваляла его дарованія и, получивъ похвальный отзывъ и отъ Димитрія, рѣшила взять его въ законоучители къ цесаревичу. По возвращеніи императрицы изъ Ростова, государыня снова посѣтила Лавру и оказала милостивое вниманіе къ Платону. Затѣмъ послѣдній былъ приглашенъ въ Москву ко двору и оставленъ къ столу. Здѣсь ему сдѣлали послѣднее испытаніе. Государыня задавала ему разные вопросы, а графъ Панинъ, главный воспитатель наслѣдника, особенно старался узнать, «не суевѣренъ ли Платонъ» ²⁾. Отъ законоучителя, видимо, требовали, чтобы онъ не былъ слишкомъ ригористомъ въ религіозномъ отношеніи. Платонъ выдержалъ испытаніе и ему было официально объявлено, что онъ назначается законоучи- телемъ къ цесаревичу, и велѣно ѣхать въ Петербургъ.

Высокая обязанность законоучителя наслѣдника открывала Платону прямую дорогу къ вліянію на церковныя дѣла. По- стоянная близость ко двору, обращеніе въ средѣ сильныхъ міра, при умѣнни всѣмъ нравиться и привлекать къ себѣ, представляли множество средствъ сдѣлаться вліятельнымъ для человѣка, который бы къ этому стремился. Однако, Платонъ

¹⁾ Ibid., стр. 218.

²⁾ Ibid., стр. 219.

въ первое время своего законоучительства, повидимому, мало интересовался обще-церковною политикою. Быть можетъ причиною того была его молодость, которая не позволяла ему выступать съ мнѣніями, приличными болѣе людямъ опытнымъ. Быть можетъ, онъ и сознательно уклонялся отъ вмѣшательства въ церковную политику, чтобы избѣжать разныхъ коллизій и не поставить себя въ неудобное положеніе. То было такое время, когда нужно было быть очень осторожнымъ. Правда, въ церковной сферѣ происходили событія, на которыя не могло не реагировать внутренне, такъ или иначе, все духовенство. Работала учрежденная комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, отбирались вотчины у церковныхъ учреждений, составлялись новые штаты, а въ связи съ тѣмъ составлялись всякіе проекты внутреннихъ церковныхъ преобразованій. Шла коренная ломка стараго церковнаго быта, шель вопросъ, можно сказать, о церковной будущности. Но, съ другой стороны, примѣръ Арсенія Мацѣвича служилъ достаточнымъ предостереженіемъ, чтобы громко не выражать своихъ чувствъ и настроеній. Какъ бы то ни было, но въ ту пору Платонъ молчалъ и мы совершенно не въ силахъ опредѣлить его отношеніе къ тогдашнимъ крупнымъ церковнымъ мѣропріятіямъ, въ частности къ главному—секуляризаціи церковныхъ имѣній. Если бы о 26—28-лѣтнемъ Платонѣ мы могли судить по Платону, митрополиту московскому, то должны были бы предположить въ немъ рѣзко отрицательный взглядъ на дѣло секуляризаціи, не многимъ отличный отъ взгляда Арсенія Мацѣвича. Но проводить данную аналогію нѣсколько рискованно, такъ какъ въ настроеніи Платона съ теченіемъ времени, видимо, происходила значительная перемена. Во всякомъ случаѣ, выражать взгляды, не согласные съ политическимъ курсомъ, для человѣка, начинающаго карьеру при дворѣ, было не политично, и Платонъ ихъ не выражалъ.

Напротивъ, онъ, очевидно, своимъ поведеніемъ вполне поддерживалъ свою репутацію монаха, чуждаго «суевѣрія», съ «свободными» сужденіями о вещахъ, передового человѣка для своего времени, отнюдь не «фанатика», какимъ представлялся въ глазахъ правительства несчастный защитникъ церковныхъ имѣній, изъ ростовскаго митрополита превратившійся въ Андрея «враля». Екатерина относила законоучителя своего сына къ той группѣ монашествующаго духовенства, которая проявляла полную готовность исполнять ея указанія и вос-

хвалить ея матернее попеченіе объ отечествѣ. Доказательствомъ этого служить тѣ два порученія, какія все-таки приходилось исполнять Платону въ ту пору въ области церковно-правительственной. Именно, въ началѣ 1766 года двумъ іерархамъ—Иннокентію псковскому и Гавріилу тверскому и іеромонаху Платону было оказано государыней высокое довѣріе дать свой отзывъ о ея знаменитомъ «Наказѣ» Комиссіи для составленія новаго уложенія. Тогда же и тѣмъ же самымъ лицамъ было поручено составить изъ себя комиссію для составленія проекта преобразованія духовныхъ училищъ, вопросъ о чемъ былъ выдѣленъ изъ дѣлъ комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, какъ оказавшейся неспособной разрѣшить его ¹⁾. Это были первые шаги Платона на поприщѣ болѣе широкой дѣятельности, такъ сказать, первое испытаніе его соотвѣтствующихъ способностей. Порученіе о Наказѣ было довольно щекотливое. Критиковать произведеніе императрицы была задача трудная, и комиссія предпочла обойти ее, ограничившись немногими, совершенно несущественными, детальными замѣчаниями, большею частью вербальнаго характера ²⁾. Что касается второго порученія, то оно было выполнено очень тщательно. Комиссія, отчасти на основаніи работъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, отчасти самостоятельно, выработала проектъ стройной организаціи цѣлой сѣти духовно-учебныхъ заведеній (благочинническихъ школъ, гимназій, малыхъ и большихъ семинарій, духовнаго университета), съ уставами и штатами. Къ 24-му іюня 1766 г. проектъ уже былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе ³⁾. Однако, утвержденія онъ не получилъ, а былъ переданъ въ комиссію для составленія новаго Уложенія ⁴⁾, гдѣ и застрялъ безслѣдно. Впрочемъ, едва ли это зависѣло отъ качества проекта, а скорѣе просто отъ общаго отношенія къ церковнымъ преобразованіямъ екатерининскаго правительства, любившаго говорить о нихъ, но не любившаго тратить деньги, хотя бы и присвоенныя отъ тѣхъ же церков-

¹⁾ Рескриптъ Екатерины на имя Иннокентія псковскаго отъ 20 февр. 1766 г. (еще не опубликов.). Письмо ея къ Платону по сему поводу отъ 30 февр. 1766 г. въ „Чт. въ общ. ист. и др. рос.“ 1875 г. кн. 4, стр. 166.

²⁾ См. у Снегирева, изд. 4-е, ч. I, стр. 113—118.

³⁾ См. этотъ проектъ въ „Матеріалахъ для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ“, сост. С. В. Рождественскимъ, Сиб. 1910 г., стр. 268—323.

⁴⁾ Ibid. стр. 175—176.

ныхъ учрежденій. Для своего времени проектъ 1766 г. представлялъ нѣчто, безъ сомнѣнія заслуживающее вниманія. Какова была доля участія въ его составленіи Платона, опредѣлить невозможно. Можно лишь предполагать, что онъ потрудился не меньше двухъ своихъ коллегъ-архіереевъ. Какъ бы то ни было, а труды его были замѣчены и оцѣнены по достоинству.

24 іюня комиссія представила свой проектъ императрицѣ, а въ началѣ іюля 1766 г. Синоду былъ объявленъ указъ государыни, чтобы Платона произвести въ архимандриты Троицкой Лавры, на мѣсто умершаго въ январѣ того года архим. Лаврентія. 16-го іюля состоялось посвященіе. Такимъ образомъ первое испытаніе административно-правительственныхъ талантовъ оказалось вполне благопріятнымъ для Платона и тотчасъ же послужило ступеню къ его дальнѣйшему возвышенію. Новое назначеніе являлось вмѣстѣ съ тѣмъ естественною дорогою и къ постоянному участию въ дѣятельности высшаго церковнаго правительства, такъ какъ архимандриты Троицкой Лавры тогда обычно бывали членами синода. Такое членство предстояло и Платону. Однако, тутъ впервые начали встрѣчаться на пути его доселѣ безоблачной карьеры нѣкоторыя препятствія, довольно неожиданныя.

Мы видѣли, что Платонъ въ ту пору обладалъ особою обходительностью, умѣньемъ ладить съ людьми, и держалъ себя очень осторожно, уклоняясь сталкиваться съ тогдашними теченіями въ высшихъ сферахъ. Однако, очевидно, онъ не умѣлъ все-таки вполне скрывать свое личное отношеніе къ событіямъ и по крайней мѣрѣ въ частномъ общеніи съ духовными кругами проявлялъ не столь полную благопослушность господствующимъ вѣяніямъ, какъ то было желательно лицамъ, стоявшимъ у кормила церковной власти. Въ синодѣ руководящую роль игралъ новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣменовъ, тотъ самый, который столь легко пошелъ навстрѣчу секуляризационному замыслу правительства и, по мнѣнію Арсенія Мацѣвича, предалъ интересы церкви во имя своихъ личныхъ выгодъ. Полная уступчивость правительственнымъ желаніямъ, даже предвосхищеніе этихъ желаній, отличали дѣятельность митр. Димитрія и во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Конечно, ему было желательно имѣть и соотвѣтствующій подборъ синодальныхъ членовъ, и, по его соображеніямъ, Платонъ не вполне подходилъ подъ такое требованіе. Поэтому Платонъ, вопреки

обычаю, былъ устраненъ сначала отъ участія въ синодѣ по званію архимандрита. Самъ онъ такъ рассказываетъ объ этомъ въ автобіографіи. «Слѣдовало новому архимандриту и въ Синодѣ быть членомъ; поелику было опредѣлено всегда архимандритамъ Троицкія Лавры быть въ Синодѣ членами; но на сей годъ онъ до того не допущенъ, по внушенію одного изъ синодальныхъ членовъ, хотя, впрочемъ, съ нимъ весьма дружно обходившагося, который, зная свободу Платонова нрава и разсужденія, заключилъ, но неизвѣстно почему, что отъ него по дѣламъ можетъ воспослѣдовать какое-либо затрудненіе»¹⁾. Кто былъ этотъ синодальный членъ, съ Платономъ дружно обходившійся, догадаться не трудно: то былъ, конечно, митр. Димитрій, отъ котораго зависѣло назначеніе новыхъ членовъ въ синодальное присутствіе и который съ Платономъ поддерживалъ хорошія отношенія, можетъ быть отчасти потому, что съ законоучителемъ наслѣдника нныя отношенія были и невыгодны. Но имѣть въ синодѣ независимаго сочлена Димитрію не хотѣлось и онъ съумѣлъ, при всей «дружбѣ», задержать назначеніе Платона въ синодъ. Для Платоновой карьеры въ данную минуту это обстоятельство значенія, пожалуй, не имѣло. Но оно служило нѣкоторымъ указаніемъ для будущаго. Монахъ съ «свободными сужденіями» былъ очень пріятенъ въ обществѣ, при дворѣ императрицы—философа, столь не любившей «суетвѣрія». У кормила же церковной власти, гдѣ требовалась особая чуткость къ вѣяніямъ сверху и услужливость высшимъ предначертаніямъ, онъ былъ не всегда удобенъ и могъ внести нѣкоторый диссонансъ въ установившійся въ синодѣ порядокъ, искусно направляемый опытной рукою политичнаго митр. Димитрія.

11 дек. 1767 г., во время пребыванія синода въ Москвѣ, скончался Димитрій Сѣменовъ. Съ его смертію уничтожилось препятствіе къ назначенію Платона въ Синодъ и въ январѣ 1768 г., при отъѣздѣ Двора изъ Москвы въ Петербургъ, архим. Платонъ былъ пожалованъ въ синодальные члены, оставаясь въ прежней должности законоучителя. Но тутъ-то и оправдалось отчасти предвидѣніе митрополита Димитрія, что Платонъ не вполне подойдетъ къ высшему церковно-правительственному учрежденію. Въ какомъ положеніи онъ оказался сразу въ Синодѣ, лучше всего характеризуютъ его слова въ

¹⁾ Автобіографія въ прил. къ Снегиреву, ч. II, стр. 222.

автобіографіи. «Горѣлъ Платонъ ревностью ко благу Церкви и духовнаго чина, и сія ревность была ему яко врожденная. Усердствовалъ входить въ дѣла, и споспѣшествовать къ лучшему. Но многія узрѣлъ онъ затрудненія, кои ревность его, или останавливали, или притупляли. Сотрудниковъ своихъ, по большей части, находилъ онъ съ тѣми же добрыми и благоразумными расположеніями; но не столько великихъ духомъ, и удобно, или силѣ, или воображаемой опасности уступающихъ. Были же и такіе, кои, таковымъ образомъ поступая, искали, да и находили личныя свои выгоды, мало уважая общія. Сіе сильно смущало Платоновъ духъ и оскорбляло: особливо, что несчастливые обстоятельство обороты, не только его останавливали въ лучшихъ его намѣреніяхъ, но и принуждали то подписывать, на что онъ не только не былъ согласенъ, но по возможности противорѣчилъ, и что находилъ бесполезнымъ и вреднымъ; а помочь тому никакого средства не было, ни способа, кромѣ, какъ только подвергнуть себя несчастію: но, при духѣ сѣмъ бодромъ, плоть была немощна. И какъ, чрезъ продолженіе времени, теченіе обстоятельство и дѣлъ все было таково же: то Платонъ тогда же къ сему, повидимому, знаменитому мѣсту ощутилъ въ себѣ чувствительное прохлажденіе; такъ что уже искалъ случая, какъ бы отъ него избавиться» ¹⁾).

Чтобы понять это впечатлѣніе, произведенное на Платона синодомъ, и положеніе, въ какомъ онъ оказался, нужно припомнить условія тогдашней церковно-правительственной дѣятельности. Екатерина была не такой монархиней, которая бы признавала принципъ двухъ властей—духовной и свѣтской. Напротивъ, подобное двоевластіе было ей противно болѣе чѣмъ кому-либо другому, и она высказывала это открыто. Считая себя «главою греческой церкви» (въ письмѣ къ Вольтеру), она особенно цѣнила въ іерархахъ своего времени именно отсутствіе «нелѣпаго» (по ея словамъ) признанія «двухъ властей» и не терпѣла людей, зараженныхъ противоположнымъ духомъ, какъ Арсеній Мацѣвичъ. Сообразно съ этимъ она относилась и къ Синоду. Синодъ былъ покорнымъ исполнителемъ ея воли, чего умѣлъ всего искуснѣе достигать Димитрій Сѣменовъ, не даромъ пользовавшійся особымъ расположеніемъ Государыни. Должно быть со спеціальной цѣлью подтвердить «нелѣпость» принципа двоевластія и оберъ-проку-

¹⁾ Автоб., Снегиревъ, 4-е изд., ч. II, прил., стр. 223—224.

рорами Синода тогда назначались лица, вполне отвѣчающія духу времени. Въ годъ назначенія Платона въ Синодъ оберъ-прокуроромъ былъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино (назнач. 10 іюня 1763 г., уволенный 24 окт. 1768 г.). Это былъ тотъ самый Мелиссино, который составилъ себѣ извѣстность знаменитыми «пунктами», предложенными Св. Синоду въ качествѣ руководства при составленіи наказа депутату въ комиссію для составленія новаго Уложенія. Въ пунктахъ этихъ предлагалось предоставить раскольникамъ свободу публичнаго богослуженія, позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ, очистить церковь отъ суевѣрія и «притворныхъ» чудесъ, отмѣнить ношеніе иконъ по домамъ, сократить продолжительные церковные обряды, уменьшить число праздничныхъ дней, закрыть монастыри, дозволить епископамъ имѣть женъ, отмѣнить обычай поминовенія умершихъ, разрѣшить четвертый бракъ и т. п. ¹⁾ Послѣ Мелиссино былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Петръ Петровичъ Чебышевъ (увол. въ нач. мая 1774 г.). Это тотъ Чебышевъ, который, по словамъ фонъ-Визина, открыто говорилъ, что «Бога нѣтъ» ²⁾, а въ синодальномъ присутствіи постоянно ругался «гнилыми словами» ³⁾. Если оберъ-прокуроры позволяли себѣ такія вещи, то конечно потому, что за ними стояла высшая власть. И хотя, разумѣется, члены синода не могли быть довольны такимъ положеніемъ вещей, въ душѣ «проклинали» напр., Чебышева ⁴⁾, но открыто возвысить голосъ противъ никто не рѣшался. Мелиссино благополучно оберъ-прокурорствовалъ 5 лѣтъ и уволенъ съ повышеніемъ, а Чебышевъ былъ уволенъ лишь за денежную растрату.

При такимъ-то обстоятельствахъ вступилъ Платонъ въ члены Св. Синода. Нисколько не удивительно, что для горящаго ревностью о церкви чловѣка режимъ Мелиссино—Чебышева пришелся не по сердцу и онъ сразу же увидѣлъ «затрудненія» для своей ревности. Сотрудниками Платона по Синоду были сначала (въ 1768 г.), Гавріиль (Кременецкій), архіеп. спб., Иннокентій, еп. псковскій, Симонъ, архим. новоспасскій, протопопъ гвардіи Андрей Михайловъ. Въмѣсто Симона, въ концѣ 1769 г., былъ назначенъ въ Синодъ Гавріиль

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. 3, стр. 114—121.

²⁾ Соч. Фонъ-Визина, изд. 1866 г., стр. 550.

³⁾ Сушковъ, Записки о жизни Филарета, м. моск., стр. 223.

⁴⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1868 г., т. 74, стр. 468—469.

(Петровъ), еп. тверскій, скоро занявшій и спб. кафедрѣ, вмѣсто Гавріила Кременецкаго, назначеннаго въ Кіевъ. Все это были люди, безъ достаточной смѣлости и твердости, не имѣвшіе къ тому же вполне прочнаго положенія. Неудивительно, что они уступали даже «воображаемой опасности» и предпочитали плыть по теченію, а не противъ теченія. Впрочемъ, при тогдашнихъ условіяхъ, послѣднее было и безнадежно. Нужно было самопожертвованіе, чтобы бороться съ господствующими вѣяніями; а многіе ли способны къ такому самопожертвованію? Платонъ вѣрно замѣтилъ, что духъ бодръ, а плоть немощна. И ему самому ничего не оставалось, какъ слѣдовать за другими и уступать, подписывая то, съ чѣмъ внутренне не соглашался. Единственная, быть можетъ, разница его съ другими была та, что тѣ примирялись съ своимъ положеніемъ, лишь бы оставаться у кормила власти (правда, призрачной); а Платонъ почувствовалъ полное охлажденіе къ своему почетному званію и готовъ былъ избавиться отъ чести участвовать въ высшемъ церковномъ управленіи. Это обстоятельство служить нѣкоторымъ показателемъ его тогдашнихъ взглядовъ на положеніе церковныхъ дѣлъ. Онъ, очевидно, смотрѣлъ на него отрицательно, какъ долженъ былъ смотрѣть и каждый честный представитель Церкви. Но все равно, сдѣлать онъ ничего не могъ, тѣмъ болѣе, что въ Синодѣ ему принадлежало, какъ ни какъ, одно изъ послѣднихъ мѣстъ, а при дворѣ онъ не могъ бы искать поддержки тѣмъ стремленіямъ, какія тогда обычно подводились подъ теорію «двухъ властей».

Такимъ образомъ, уже самое начало церковно-правительственной дѣятельности Платона было неблагопріятнымъ. Онъ, по собственному признацію, отказался отъ активнаго участія въ дѣлахъ, увидѣвъ полную безпомощность исполнить свой долгъ такъ, какъ подсказывала ему совѣсть. Съ точки зрѣнія карьеры, это, пожалуй, было и всего лучше. Если бы Платонъ пробовалъ идти противъ теченія въ Синодѣ, то его дальнѣйшее возвышеніе могло и затормозиться. Теперь же оно совершалось безпрепятственно. 22 сентября 1770 г. Платонъ былъ назначенъ прямо архіепископомъ въ Тверь, съ сохраненіемъ за нимъ прежнихъ должностей, въ томъ числѣ и архимандритства въ Троицкой Лаврѣ; послѣднее было уже совсѣмъ необычно и знаменовало особую къ нему милость, такъ какъ Императрица знала Платонову любовь къ его родной обители. Архіепископскій санъ, конечно, придавалъ Платону уже больше

авторитета и ставилъ его въ Синодѣ въ болѣе выгодное положеніе. Не видно, однако, чтобы онъ этимъ воспользовался для болѣе активной роли въ синодальномъ управленіи. Судя по его автобіографіи, то отношеніе къ синодальнымъ дѣламъ, какое у Платона сначала явилось въ силу обстоятельствъ, продолжалось и далѣе, съ его іерархическимъ возвышеніемъ. Служебное положеніе Платона все упрочивалось. Императрица оказывала ему особое благоволеніе. Воспитанникъ цесаревичъ дарилъ своего законоучителя дружбой и довѣріемъ, которыя остались и послѣ того, какъ съ женитьбой Павла П. окончилось учительство Платона. Когда Павлу Петровичу была избрана невѣста, гессенъ-дармштадская принцесса, названная въ православіи Наталіей Алексѣевной, то Платонъ былъ и ея огласителемъ, наставникомъ въ вѣрѣ и присоединителемъ къ церкви, причѣмъ спискалъ у принцессы и ея матери не меньшее расположеніе, чѣмъ у ея жениха. Казалось бы, всѣ эти связи давали Платону болѣе свободы дѣйствій въ Синодѣ. И все-таки, повторяемъ, мы этого не видимъ. Нельзя приписывать это ослабленію ревности у молодого іерарха. Автобіографическія записки свидѣтельствуютъ, что Платонъ съ особою горячіюстью устремилъ свою энергію на дѣла епархіальнаго управленія, сдѣлавшись тверскимъ архіепископомъ. Онъ ревностно принялся за «исправленіе» духовенства епархіи, «производя, сколько возможно, лучшихъ священниковъ, а худыхъ или исправляя, или неисправляемыхъ лишая званія». Въ производство дѣлъ старался внести справедливость. Находя выборы священно-служителей прихожанами неудобными, такъ какъ кандидатами представлялись часто недостойныя лица, Платонъ не задумывался практиковать назначеніе, вмѣсто выборовъ, когда находилъ это нужнымъ, не взирая на недовольство избирателей. Желая повысить матеріальное благосостояніе духовенства, отъ чего зависѣло и его духовное возвышеніе, Платонъ по возможности уменьшалъ численность причтовъ и приходовъ. Родство и наслѣдственность, практиковавшіяся издавна въ качествѣ руководительныхъ принциповъ при назначеніи на церковныя мѣста, въ Платонѣ встрѣтили себѣ энергичнаго противника ¹⁾. Словомъ, на епархіальномъ поприщѣ Платонъ сразу же заявилъ себя недюжиннымъ администраторомъ, стоящимъ выше понятій и традицій церковнаго быта своего вре-

¹⁾ Автобіографія у Снегирева, стр. 224—226.

мени, человѣкомъ новыхъ взглядовъ и реформаторскихъ замысловъ. Какъ іерархъ, онъ сталъ въ положеніе выдающееся, обратилъ на себя вниманіе духовенства и общества. И тѣмъ не менѣе всѣ эти качества въ синодальной дѣятельности Платона остались непримѣнными. Свое рвеніе онъ, казалось, всецѣло истощалъ въ замкнутомъ кругу епархіальной дѣятельности, какъ бы нарочно не обнаруживая его въ сферѣ болѣе широкой. Но такъ было, навѣрно, потому, что церковно-политическія условія оставались прежними и, не желая «подвергать себя несчастью», Платонъ предпочиталъ оставаться въ сторонѣ отъ круговорота церковной политики, не вступая въ борьбу съ установившимся порядкомъ и продолжая подписывать то, что находилъ не только бесполезнымъ, а и вреднымъ...

Не измѣнилось отношеніе Платона къ синодальнымъ дѣламъ и послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ на кафедрѣ древней столицы—въ Москву. Самое назначеніе онъ встрѣтилъ съ нѣкоторою боязнью, какъ бы новое положеніе не вовлекло его въ нежелательные конфликты. Какъ ни странно для человѣка талантливаго, молодого, но Платонъ, повидимому, боялся всякой борьбы, всякихъ осложненій; онъ не былъ бойцомъ. По словамъ автобіографіи, молодой іерархъ уже на тверской кафедрѣ помышлялъ совсѣмъ оставить свое высокое служеніе, когда исполнится 12 лѣтъ его архіерейства, и уединяться въ Троицкую Лавру ¹⁾. Назначеніе въ Москву было неожиданнымъ. Въ началѣ 1775 г. императрица была въ Твери и здѣсь 21 января вручила Платону указъ о переводѣ, приказавъ объявить его синоду. Платонъ попробовалъ отказываться, но рѣшеніе государыни было неизмѣннымъ. Какъ бы ни понимать этотъ отказъ, ясно, что Платонъ испытывалъ нерѣшительность, что широкая дорога высшихъ церковныхъ званій его смущала. Послѣ этого понятно, что и въ Москвѣ на первыхъ порахъ, пользуясь всѣмъ своимъ прежнимъ вліяніемъ, Платонъ предпочелъ углубиться въ епархіальныя дѣла, гдѣ у него оказывалась и энергія и твердость, въ синодѣ слѣдуя прежней тактикѣ. Однако, эта тактика не была для него уже такъ легкой. Онъ, видимо, сознавалъ тяжесть внутреннихъ противорѣчій и чувствовалъ себя не по себѣ въ высшемъ церковно-правительственномъ учрежденіи. Прежнее охлажденіе къ «знаменитому мѣсту» перешло въ явное не-

¹⁾ Стр. 227.

желаніе пребывать въ немъ. Платонъ охотно остался бы у себя въ Москвѣ, отказавшись отъ чести быть въ Петербургѣ — въ синодѣ. По крайней мѣрѣ такъ было по его признанію. Онъ говоритъ, что когда ему пришлось отправиться въ началѣ 1776 г. въ Петербургъ, то онъ дѣлалъ это «противъ желанія». повинуясь лишь верховной волѣ ¹⁾). Присутствіемъ въ синодѣ ему пришлось опять «скучать», «по теченію дѣль, съ его мыслями и началами несходнымъ, и не видя въ сотrudникахъ своихъ въ томъ содѣйствія, которые поступали по своимъ видамъ, ища, можетъ быть, болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ» ²⁾). Въ синодѣ ничто не измѣнилось... Такое положеніе, наконецъ, столь «наскучило» Платону, что онъ въ концѣ 1776 г. рѣшилъ просить увольненія изъ синода навсегда. Впрочемъ, тутъ было замѣшано и еще другое обстоятельство.

1776 годъ отмѣченъ въ судьбѣ Платона весьма важной переменою. Съ этого времени началось охлажденіе къ нему императрицы и ея двора, что, по тогдашнимъ условіямъ, было почти равносильно съ концомъ карьеры, съ паденіемъ, въ смыслѣ власти и вліянія. Что было причиной этого охлажденія, которое обычно рѣзко отмѣчается всѣми біографами Платона? Самъ Платонъ такъ объясняетъ происшедшую перемену. «Скоро по пріѣздѣ (въ Петербургъ), въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, открылся печальный и для Платона поразительный случай. Великая княгиня Наталья Алексѣевна, особая благопріятнѣйшая благодѣтельница, приближаясь къ рожденію, при радостной всѣхъ надеждѣ, неразрѣшившейся ея утробѣ, апрѣля дня скончалась. Платонъ ее напутствовалъ исповѣдью и святымъ Причастіемъ, и при погребеніи почтилъ ея святую память надгробнымъ словомъ. Къ сей его сущей печали, императрица примѣтивъ, по неотступному его при смерти умирающей княгини пребыванію, что-то для себя неудобное (о чемъ да не возглаголють уста моя дѣль человѣческихъ); и потому заключивъ въ себѣ что то для Платона не выгодное, прежде къ нему благоволеніе, примѣчательно, хотя не отмѣнила, но уменьшила. Что и было послѣдствіемъ многихъ потомъ непріятныхъ для Платона приключеній» ³⁾). Конечно, если Платонъ правильно объяснилъ себѣ причину перемены къ нему въ государынѣ, то со стороны послѣдней тутъ было подозрѣніе, ни на чемъ неоснованное. Самъ цесаревичъ Павелъ Пет-

¹⁾ Ibid. стр. 231.

²⁾ Ibid. 232.

³⁾ Ibid. стр. 231—232.

ровичъ съ особою благодарностью вспоминаеть именно участіе Платона въ послѣднихъ минутахъ жизни своей первой супруги. «За долгъ почитаю,—писалъ онъ Платону отъ 5-го мая 1776 г.,—благодарить васъ за труды ваши въ наставленіи, за дружбу и за все, сдѣланное вами предъ самою кончиною покойницы въ разсужденіи ея. Я имѣлъ всегда причины быть вамъ благодарнымъ, и любить васъ по бытности вашей при мнѣ въ младенчествѣ моемъ, и по трудамъ и старанію, приложеннымъ вами къ воспитанію моему. Сіи причины возросли по дружбѣ и по попеченію вашему, оказаннымъ вами женѣ моей, но дошли до высшей степени всѣмъ тѣмъ, что вы сдѣлали при концѣ и послѣ смерти ея» ¹⁾. Но можетъ быть Платонъ, если не всецѣло, то отчасти ошибался. Переменна въ отношеніяхъ къ нему императрицы могла имѣть основанія именно въ тѣхъ чертахъ Платонова облика, которыя порождали въ немъ «скуку» отъ присутствованія въ синодѣ. То теченіе церковныхъ дѣлъ, съ какимъ Платонъ былъ несогласенъ и противъ котораго внутренно протестовалъ, было вѣдь результатомъ церковно-государственной политики того времени, направляемой рукою Екатерины. Было ясно, что Платонъ не подходилъ къ господствовавшему курсу, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ это становилось яснѣе. Проницательная государыня, плѣненная когда-то «свободными» сужденіями молодого монаха, теперь должна была понимать, что изъ этого монаха выросъ іерархъ не того типа, какъ былъ преосв. Дмитрій, съ гораздо менѣе эластичною приспособляемостью, съ большимъ сознаниемъ церковныхъ правъ и церковнаго достоинства. Поведеніе Платона въ синодѣ, не будучи вызывающимъ, было, видимо, молчаливо-оппозиціоннымъ, и во всякомъ случаѣ, было не такимъ, какимъ желательно было его видѣть монархинѣ, разсчитывавшей видѣть въ выдвинутомъ ею чловѣкѣ столь же преданнаго слугу, какимъ былъ Дмитрій Сѣменовъ. Словомъ, Екатерина начала сознавать, что она ошиблась. Весьма возможно, что ея сознаніе подверждалось и тѣмъ положеніемъ, какое занялъ Платонъ въ придворныхъ отношеніяхъ. Вышеприведенное письмо Павла и факты, послужившіе къ нему поводомъ, показываютъ, что Платонъ сталъ въ особо близкія отношенія къ послѣднику престола. Между тѣмъ, между цесаревичемъ и матерью его уже назрѣ-

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1875 г. кн. 4, стр. 173—174.

вали натянутыя отношенія, уже начиналось скрытое соперничество двухъ дворовъ, скрытая борьба за власть, съ которою не хотѣла разстаться честолюбивая мать и которую хотѣлъ скорѣе получить, какъ законное наслѣдство, сынъ. Другъ Павла, при такихъ условіяхъ, не могъ быть другомъ Екатерины. Чуткіе придворные прекрасно понимали это и дѣлали выборъ. Платонъ, по своей прямотѣ и искренности, выбора не сдѣлалъ. Въ результатъ охлажденіе, послужившее началомъ «многихъ непріятныхъ для Платона приключеній».

Послѣднія начались маленькими ударами самолюбію, хотя бы не очень чувствительными, но симптоматичными. Когда великій князь обручилъ себѣ новую невѣсту, будущую императрицу Марію Ѳеодоровну, то Платону было поручено ея наставленіе въ православной вѣрѣ; но отъ того, чтобы быть духовникомъ новой великой княгини, какъ было при покойной, онъ «былъ отведенъ». Затѣмъ, за исполненіе новой временной обязанности его ничѣмъ не наградили, видимо, вопреки ожиданію ¹⁾. Все это вмѣстѣ, должно быть, и заставило Платона просить увольненія навсегда изъ синода, чтобы быть вдали отъ двора, охлажденіе котораго послѣ прежняго благоволенія было особенно чувствительнымъ и давало себя чувствовать на каждомъ шагѣ въ высшихъ сферахъ. Полнаго увольненія Платонъ не получилъ (это слишкомъ бросилось бы въ глаза и не вызывалось обстоятельствами), но императрица дала ему увольненіе на годъ. То, что его не удержали, было тоже неблагопріятнымъ признакомъ.

Уѣхавъ въ Москву въ началѣ 1777 г., черезъ годъ Платонъ возвратился въ синодъ (въ началѣ 1778 г.). Но положеніе его здѣсь было уже очень щекотливымъ и непріятнымъ. Быть заходящей звѣздой на петербургскомъ горизонтѣ человѣку съ сознаніемъ собственнаго достоинства не могло правиться. Поэтому Платонъ спѣшилъ сойти со сцены, не дожидаясь естественнаго конца. Протянувъ годъ въ прежнемъ строеніи скрытаго недовольства синодскими дѣлами, онъ просилъ снова государыню уволить его навсегда въ епархію. Императрица опять дала увольненіе на годъ. По истеченіи срока, Платонъ возобновилъ ходатайство и получилъ снова годичную отсрочку. Когда же истекъ и новый срокъ, въ началѣ 1781 г. и Платонъ пробовалъ повторить старую просьбу.

¹⁾ Ibid. стр. 232.

то отъ императрицы получился двусмысленный отвѣтъ: она отдавала на его волю, ѣхать (если нужнымъ дѣль нѣтъ) или не ѣхать. Это значило, собственно, деликатную отставку. Въ Платонѣ уже давно наверху перестали нуждаться. Въ память прошлаго и изъ тактическихъ соображеній Екатерина задерживала полное удаленіе его съ горизонта правящихъ сферъ. Теперь приличіе было соблюдено, а демонстративныя просьбы Платона дѣлали дальнѣйшее соблюденіе и ненужнымъ; потому ему дали понять, что онъ свободенъ и можетъ больше не ѣздить въ Петербургъ, если не желаетъ. Но и Платонъ, искусившійся въ придворномъ обращеніи, отлично понималъ, что значить тонъ отвѣта государыни. Инстинктъ чловѣка, привыкшаго къ власти, заговорилъ въ немъ: онъ просилъ увольненія, когда онъ думалъ, что въ немъ нуждаются и будутъ его удерживать, а теперь, когда ему предоставили свободу, рѣшилъ ѣхать. Можетъ быть, онъ надѣялся поддержать свое падающее вліяніе. Но въ такомъ случаѣ ошибся. Послѣ письма императрицы ему лучше бы не ѣздить. Платонъ явился въ Петербургъ въ концѣ 1781 г., а спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ повелѣніе императрицы отправиться въ Москву для открытія московскаго намѣстничества, при чемъ о возвращеніи опять въ синодъ уже ничего не говорилось ¹⁾. Это было уже форменное увольненіе, и не по просьбѣ, потому что открытіе намѣстничества было, конечно, простымъ предлогомъ. Очевидно, Платонъ оказался совсѣмъ неудобенъ въ Петербургѣ и его здѣсь вовсе не ожидали. Первенствующій членъ синода архіеп. новгородскій Гавріилъ (Петровъ) былъ изъ числа лицъ, къ Платону не очень расположенныхъ (Платонъ предвосхитилъ у него законоучительство). Присутствіе рядомъ съ нимъ Платона, архіепископа московскаго, создавало соперничество между ними, а оппозиціонное отношеніе Платона къ синодскому курсу грозило недоразумѣніями. Оберъ-прокурорская власть въ синодѣ, возбуждавшая постоянное недовольство Платона, навѣрно, также отнеслась къ его появленію послѣ долгаго отсутствія не совсѣмъ доброжелательно. Отъ потерявшаго фаворъ при дворѣ архіерея освободиться было не трудно, и вотъ Платону пришлось возвратиться въ Москву совершенно неожиданно. Впослѣдствіи Платонъ, между прочимъ, объяснялъ, что его вы-

¹⁾ Ibid. стр. 233.

жило изъ синода именно господство тамъ «свѣтскихъ»¹⁾. Платонъ покинулъ синодъ, чтобы болѣе уже никогда туда не возвращаться.

Съ этого момента, со времени окончательнаго удаленія изъ синода, начинается новый періодъ жизни Платона. Его церковно-правительственная звѣзда закатилась. Хотя официально онъ сохранилъ свое прежнее положеніе, но, по удаленіи въ Москву, ему пришлось уже теперь волей-неволей ограничиваться кругомъ епархіальной дѣятельности, лишь въ роли созерцателя наблюдая церковныя событія въ правящихъ сферахъ. Это новое положеніе сказалось замѣтно на характерѣ отношеній Платона къ современной дѣйствительности. Пока онъ самъ стоялъ близко къ кормилу церковной власти, то онъ, видимо, старался болѣе или менѣе скрывать свое недовольство ходомъ дѣлъ. Иначе ему пришлось бы натолкнуться на естественное возраженіе, что вѣдь и самъ онъ былъ участникомъ происходящаго. Разрывъ съ синодомъ и Петербургомъ устранялъ это сдерживающее обстоятельство, а обстановка разрыва давала новую пищу старому недовольству. И вотъ мы видимъ, какъ блестящій Платонъ постепенно все болѣе и болѣе превращается въ брюзжащаго отставнаго церковнаго сановника, въ которомъ вся правительственная дѣятельность вызываетъ глухую оппозицію и который, не рискуя открыто обнаруживать свое настроеніе, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы высказать его хотя людямъ, себѣ близкимъ.

Отношеніе Платона къ церковно-правительственной дѣятельности во вторую половину царствованія Екатерины, съ 1782 г., довольно ярко отразилось въ его перепискѣ съ преосв. Амвросіемъ (Подобѣдовымъ), бывшимъ ученикомъ своимъ по триицкой семинаріи и своимъ викаріемъ (1778—1781 г.г.), а потомъ епископомъ крутицкимъ (1781—1785 г.г.), архіепископомъ казанскимъ (1785—1799 г.г.) и, наконецъ, сначала архіепископомъ Спбургскимъ (съ 1799 г.), а потомъ митрополитомъ новгородскимъ (съ 1801 г.). Считаая Амвросія своимъ единомышленникомъ, Платонъ дѣлился съ нимъ своими мыслями и чувствами по каждому поводу, правда, выражаясь болѣею частью прикровенно...

Церковно-правительственныя мѣропріятія того времени.

¹⁾ Письма Платона къ преосв. Амвросію и Августину, М. 1870 г., стр. 103.

исходящія ли отъ власти гражданской, или отъ власти церковной, обыкновенно встрѣчали рѣзкую критику въ московскомъ архіереѣ. Узнавъ объ изданіи штатовъ для малороссійскихъ монастырей и секуляризаціи здѣсь монастырскихъ имѣній, Платонъ взволнованно писалъ Амвросію: «Не знаю, будетъ ли когда этимъ чудесамъ конецъ... Надобно молиться Богу, чтобы онъ воззрѣлъ на насъ милостивѣе» (отъ 22 апр. 1786 г.). Повторяя тотъ же вопросъ въ другомъ письмѣ (отъ 29 мая 1786 г.), московскій святитель выражается еще мрачнѣе: «Существуетъ ли Провидѣніе? Но какъ же можетъ быть, чтобы Его не было? То беспокоить сердца наши, что не знаемъ, каковы причины и какой будетъ конецъ всего этого. Смирись, о человѣкъ! и умолкни предъ судами Бога!» ¹⁾ Такъ реагировалъ Платонъ на мѣру, которую правительство называло новымъ образчикомъ матерняго попеченія государыни о церкви православной... По поводу пожалованія государыней митры своему духовнику протоіерею Памфилову, московскій владыка высказывалъ свое недовольство въ слѣдующихъ строкахъ: «О шапкѣ поповской нечего желать для другихъ. Ибо ежели многіе попы и будутъ носить, то еще будетъ или страшнѣе, или презрительнѣе... Впрочемъ, Богу поручимъ все и самихъ себя» ²⁾. Когда въ Москву дошли слухи въ 1788 г. о предполагаемой реформѣ консисторій, то Платонъ заранѣе осудилъ ее. «Здѣсь,— писалъ онъ Амвросію (отъ 5 апр. 1788 г.),—много ходитъ слуховъ о будущихъ перемѣнахъ въ нашихъ консисторіяхъ, будто половина членовъ будетъ изъ свѣтскихъ лицъ. Сохрани Богъ отъ этого невыносимаго зла!» ³⁾ Распоряженіе о постоѣ въ архіерейскомъ домѣ полицейскихъ вызвало со стороны Платона такую реплику: «по-истинѣ, это гнѣвъ Божій за наши грѣхи». А объ указѣ 1788 г. о содержаніи при архіерейскихъ домахъ прошнурованныхъ и запечатанныхъ книгъ для описи казеннаго имущества владыка спрашивалъ Амвросія: «Что вы думаете о недавно изданномъ указѣ объ имуществѣ домовъ нашихъ? Можетъ ли быть что несправедливѣе и нелѣпнѣе?.. Что намъ дѣлать, несчастнымъ, какъ не призывать Бога?» ⁴⁾. Узнавъ, что отказано въ деньгахъ на поправку церковныхъ зданій, Платонъ восклицалъ: «Боже благій! Сколь тяжкій гнѣвъ Твой привлекли мы на себя! Намъ, несчастнымъ, ничего не

¹⁾ Письма Платона къ Амвросію и Августину, М. 1870, стр. 7—8.

²⁾ Ibid., стр. 9.

³⁾ Ibid., стр. 14.

⁴⁾ Ibid., стр. 16.

остается дѣлать, какъ только смириться предъ лицомъ Бога нашего и безмолвно ожидать его помощи» (письмо къ Амвр. отъ 20 сент. 1788 г.) ¹⁾. Получивъ указъ объ устройствѣ новаго монастыря и назначеніи туда архимандритомъ Моисея (Гумилевскаго), недовольный и тутъ чѣмъ-то Платонъ замѣчаетъ: «Вотъ новинка! Мы въ такомъ вѣкѣ живемъ, что видимъ много новаго подъ солнцемъ» (25 іюня 1789 г.) ²⁾. Отобраніе нѣкоторыхъ московскихъ подворій для постройки гостинаго двора, съ выдачей за нихъ денегъ, вызвало у святителя горькія слова: «Вотъ, изволь радоваться и веселиться! А для чего не такъ? Мы путешествующіе: а на дорогѣ чѣмъ легче, тѣмъ лучше. Не худо же на дорогѣ и безъ хлѣба быть: а Богъ есть хлѣбъ жизни! Это правда. Видно, мы худо молимся Ему» ³⁾.

Нерѣдко негодовалъ и жаловался Платонъ и вообще на положеніе вещей, на существующіе порядки, даже иногда безпредметно, видимо, лишь бы дать выходъ накопившейся досадѣ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Амвросію: «Четыре епархіи на рукахъ; дѣла много, а помощниковъ мало. Епархіи разстраиваются, а мы приказнымъ однимъ порядкомъ, безъ хозяевъ, мало помогаемъ. Богъ вѣдаетъ, что за судьба таковая церкви Его» ⁴⁾. Другой разъ онъ пишетъ: «Спрашиваете о новостяхъ: думаю, что онѣ до васъ дошли; ихъ больше, нежели сколько мы желали, или ожидали. Нѣтъ почти ничего, что было бы для насъ выгодно или утѣшительно. Все, кажется, идетъ къ худшему» ⁵⁾. Отдѣльныя ноты недовольства сопровождаютъ почти каждое письмо Платона къ своему другу.

Источникомъ всякаго зла въ церковномъ управленіи недовольный святитель считалъ «свѣтскія начала», привнесенныя сюда вліяніемъ государственной власти. Жалобы на эти начала и умаленіе власти епископата—тоже постоянный лейтмотивъ Платоновой переписки. «Пишете о жалкомъ положеніи духовенства?—читаемъ въ письмѣ къ Амвросію отъ 30 авг. 1788 г.—И не удивляюсь, зная, что привнесены свѣтскія начала, отъ чего протстекаетъ все зло; именно имъ ввѣрена вся власть; насъ ставятъ ни во что и не только хотятъ подчинить насъ себѣ, но и почитаютъ своими подчиненными» ⁶⁾. Послѣ отказа въ деньгахъ на церковныя починки, Платонъ высказы-

¹⁾ Ibid., стр. 17.

²⁾ Ibid., стр. 18.

³⁾ Ibid., стр. 19.

⁴⁾ Ibid., стр. 12—13.

⁵⁾ Ibid., стр. 15.

⁶⁾ Ibid., стр. 15—16.

валь, что «тяжеле самага отказа то, что мы и на свои деньги ничего не можемъ возобновлять въ домахъ и монастыряхъ, не испросивъ дозволенія отъ свѣтскаго начальства. Какое намъ дѣло до нихъ и имъ до насъ? И съ чего взяли, чтобы мы подчинялись имъ даже въ этомъ!» ¹⁾ Но значительную часть отвѣтственности за церковное положеніе московскій іерархъ возлагалъ и на своихъ собратій-архіереевъ, стоящихъ у кормила церковнаго управленія. Мы знаемъ, что еще будучи въ синодѣ, онъ упрекалъ ихъ въ малодушіи и своекорыстіи, уступчивости и предательствѣ церковныхъ интересовъ. Теперь эти упреки (правда, за-глаза...) приобрѣтають еще бѣльшую рѣзкость. Возмущаясь указомъ о шнуровыхъ книгахъ и сравнивая его съ стѣснительными распоряженіями гражданскаго начальства (о постоѣ полицейскихъ), Платонъ пишетъ: «Особенно тяжело, что наше-то начальство не только не идетъ противъ нихъ (свѣтскихъ), но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжить съ нимъ въ перегонку» ²⁾. Тотъ же отказъ въ деньгахъ на починки даетъ поводъ Платону сказать: «не удивляюсь этому, а тому больше удивляюсь, что наши не только не заботятся облегчить эти бѣдствія, но еще умножаютъ ихъ и увеличиваютъ» ³⁾. Въ другой разъ, по случаю непріятности, полученной изъ синода, московскій владыка выразился: «Вотъ Евангеліе! Враги человѣку домашніе его; а по просту: кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ; все такъ идетъ» ⁴⁾.

Недовольство Платона въ значительной степени питалось и конфликтами, возникавшими въ области собственнаго его епархіальнаго управленія. Московское духовенство и московскіе епархіальные чиновники вообще принадлежали къ числу людей, соприкасающихся съ сильными міра, имѣющихъ связи и потому болѣе независимыхъ, чѣмъ это было въ другихъ епархіяхъ. Платонъ же былъ, какъ видно, человѣкомъ, весьма высоко ставящимъ архіерейское достоинство и считающимъ епископа полнымъ хозяиномъ своей епархіи. Такому начальнику трудно ладить съ независимыми подчиненными. Пока Платонъ былъ въ силѣ въ высшихъ сферахъ, и въ Москвѣ все ему покорялось, зная, что при конфликтѣ тягаться съ владыкой безнадежно. Когда же положеніе Платона пошатнулось, то всѣ почувствовали это, стали свободнѣе и на этой почвѣ

¹⁾ Ibid., стр. 16—17.

²⁾ Ibid., стр. 16.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., стр. 18.

возникло для преосвященнаго не мало огорченій. Больше всего таковыхъ причиняло ему такъ называемое ставропигіальное духовенство, т. е. духовенство московскихъ ставропигіальныхъ монастырей и придворныхъ соборовъ, изъятое изъ подчиненія мѣстному архіерею и подчиненные непосредственно синоду. Придворное московское духовенство и ставропигіальные архимандриты, повидимому, начали позволять себѣ, со времени опалы на Платона, нѣсколько демонстративное обнаруженіе своей независимости. Доказательствомъ этого служатъ извѣстное поведеніе протоіерея московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣева ¹⁾ и жалобы самого Платона. Въ 1792 г. онъ писалъ, напримѣръ, императрицѣ о «затрудненіи и безпокойствѣ», причиняемыхъ ему ставропигіальными монастырями, архимандриты которыхъ по разнымъ обстоятельствамъ почти ежедневно встрѣчаются съ нимъ, «но не бывъ въ вѣдомствѣ его», и считая себя отъ него независимыми, «не имѣютъ должнаго повиновенія, даже иногда мало и самая благопристойность наблюдается» ²⁾. Платонъ ходатайствовалъ, чтобы ставропигіальные монастыри отдали въ его вѣдѣніе; но удовлетворенія не получилъ. На независимыхъ архимандритовъ жаловался Платонъ и въ письмахъ къ Амросію ³⁾. Епархіальные чиновники, опирающіеся на синодъ, то же чувствовали себя независимо. Такъ, въ 1796 г., Платонъ писалъ Амросію, что у него есть секретарь Виноградовъ, человекъ бездѣльный и взяточникъ, не слушающійся ни его, ни консисторіи. Онъ хотѣлъ бы представить въ синодъ о его увольненіи, но не чувствовалъ подъ собою достаточно почвы. «Наше несчастье,—писалъ Платонъ Амросію,—что и секретаря противу воли держимъ и отрѣшить не смѣемъ. Прошу дать совѣтъ—представлять ли и выйдетъ ли что въ пользу нашу? Ибо сей неисправный подъячій еще что-то надѣется и не опасается, чтобъ вышло не въ пользу его; а намъ напротивъ угроживаетъ. Прошу и въ семъ случаѣ меня успокоить: какъ же не смущаться? Какъ бодрость духа удержатъ, особливо воображая прежнее свое положеніе?» Въ концѣ концовъ, когда въ синодѣ потребовали справку о секретарѣ, московскій вла-

¹⁾ См. о немъ ст. Корсакова въ „Рус. Арх.“, 1880 г., кн. 2, стр. 153—210.

²⁾ Письма м. Платона къ высоч. особамъ, М. 1895 г., стр. 7—8.

³⁾ Стр. 34.

дыка рѣшилъ лучше оставить секретаря, чѣмъ съ нимъ тягаться. «Я думалъ,—объяснялъ онъ Амросію,—довольно, чтобъ мнѣ, главному его командиру, представить, что я его признаю неспособнымъ и онъ мнѣ негоденъ, а выписку представлять,—это похоже, какъ бы мнѣ съ подъячимъ своимъ судиться. Посмотрю,—кажется лучше терпѣть худое, нежели захотѣть съ нимъ въ судъ идти» ¹⁾). Все это, конечно, Платона раздражало.

Труденъ былъ, какъ видно, для бывшаго любимца придворныхъ сферъ переходъ на положеніе простаго епархіальнаго администратора, подчиненнаго высшему церковному правительству. Платонъ, какъ показываетъ его вышеприведенное признаніе, съ горечью сравнивалъ свою новую роль съ прежнимъ положеніемъ... На почвѣ обрисованнаго настроенія святителя становятся понятными и его отношенія съ синодомъ и верховной властью послѣ удаленія изъ Петербурга. Антагонизмъ, хотя бы глухой, взглядовъ и убѣжденій съ окружающей средой и церковно-политическимъ курсомъ—вотъ что выжило Платона изъ синода и повело къ охлажденію къ нему императрицы. Какъ же теперь должны были реагировать сверху на поведеніе московскаго, архіерея? Его оппозиціонное отношеніе къ существующимъ порядкамъ, къ церковно-правительственнымъ мѣропріятіямъ было, конечно, извѣстно правительству церковному и гражданскому. Такъ какъ это отношеніе не проявлялось какими-либо дѣйствіями, явно вызывающими, то и принимать противъ него какія-либо реальныя мѣры не было повода. Но ни синодъ, ни императрица не могли относиться къ Платону благосклонно. Критика синодальной дѣятельности, укоры правящимъ іерархамъ, навѣрно, достигали и до слуха заинтересованныхъ лицъ окольными путями. Характеръ послѣднихъ можно представить хотя бы по тому, что самъ Платонъ въ одномъ письмѣ Амвросію жалуется на перехватываніе писемъ ²⁾). Если дѣло доходило до этого, то, значить, за московскимъ владыкой зорко слѣдили и даже интимная сторона его настроенія не была тайной. Вообще, какъ видно, у Платона мало осталось друзей въ іерархическихъ кругахъ уже ко времени его удаленія въ Москву изъ Петербурга. Скрытое недоброжелательство не замедлило сказаться. Въ синодѣ не упустили теперь случая дать почувствовать московскому вла-

¹⁾ Ibid., стр. 35.

²⁾ Письма, 31.

дыкѣ свою власть и нанести укоръ его самолюбію, непомѣрному развитію котораго склонны были здѣсь приписывать самое Платоново протестующее настроеніе. Непріятности начались тотчасъ же послѣ разрыва съ синодомъ. Разказавъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву, Платонъ въ автобіографіи тутъ же жалуется на начавшіяся недоразумѣнія по службѣ. «Нѣкоторые, — пишетъ онъ, — въ главнѣйшей его командѣ, или завистью подстрекаемы, или въ его осужденіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и императрица, по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хотя не совсѣмъ, однако не мало уменьшила своей благосклонности; по всѣмъ симъ причинамъ начали по командѣ причинять архіепископу многія затрудненія, досады, приказныя привязки, и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія» ¹⁾). Какъ образецъ подобнаго рода «досадъ и привязокъ», можно привести инцидентъ съ «ранними священниками». Платонъ въ своей епархіи энергично преслѣдовалъ такъ называемыхъ крестцовыхъ и безмѣстныхъ поповъ, продающихъ свои услуги. Ихъ чаще всего занимали служить раннія обѣдни, или вообще «впкаріями» къ приходскимъ церквамъ. Платону удалось уничтожить «безчестный крестецъ»; но его недоброжелатели донесли, что будто бы онъ препятствуетъ служить раннія обѣдни и тѣмъ причиняетъ затрудненія населенію. Дѣло въ извращенномъ видѣ было доведено до императрицы и Платонъ отъ послѣдней получилъ письмо такого содержанія: «Преосвященный архіепископъ московскій Платонъ! Здѣсь дошелъ слухъ, будто бы въ Москвѣ по приходскимъ церквамъ, въ имѣющихся при нихъ придѣлахъ, запрещено служить раннія обѣдни; священники, къ тому употребленные, отобраны отъ оныхъ придѣловъ, и что все это учинено по моему повелѣнію. А какъ такова повелѣнія отъ меня дано не было, да и не вѣроятно мнѣ показалось, чтобы въ отправленіи ранней службы Божіей могло послѣдовать какое либо затрудненіе, тѣмъ болѣе, что то для людей, торговыми и другими дозволенными промыслами упражняющихся, занятыхъ домостроительствомъ, и для служителей, необходимо нужно, и въ здѣшней столицѣ, равно какъ и въ прочихъ мѣстахъ, дозволено, то и полагаю, что сіе извѣстіе есть неосновательно: и для того желаю, чтобы Ваше преосвященство поспѣшили

¹⁾ Автобіографія у Снегирева, стр. 234.

увѣдомить Меня о семъ дѣлѣ; а между тѣмъ, буде бы случилось тутъ какое ни будь недоразумѣніе, приказали, кому слѣдуетъ, исправить» ¹⁾). Платону пришлось объясняться и это сильно его взволновало. «Пишетъ ко мнѣ императрица,—жаловался онъ своему другу Амросію,—чтобы я ее увѣдомилъ, зачѣмъ священники, такъ называемые ранніе, лишены своихъ мѣстъ, и почему не совершаются литургіи, называемыя ранними. Я послалъ къ ней все, что нужно по этому дѣлу. Что выйдетъ, не знаю, но лучшаго не жду. Такъ то благоугодно Богу быть какъ волнуемымъ напастей бурею. Ждемъ погоды, но непогода усиливается. Едва достають силъ переносить все это. Остается, впрочемъ, великое утѣшеніе въ совѣсти, которая, не сознавая за собою ничего худого, не совѣмъ падаетъ подъ этимъ бременемъ» ²⁾).

Лица, не расположенныя къ Платону, конечно, старались поддерживать начавшееся охлажденіе государыни. Это было не трудно: Екатерина была изъ тѣхъ людей, которые скоро забываютъ о предметѣ, разъ вышедшемъ изъ сферы ихъ вниманія. Она не старалась сдерживать свою холодность даже и во имя приличій. Въ 1785 г., будучи въ Москвѣ на нѣсколько дней, государыня совершенно какъ бы не замѣтила Платона, что задѣло послѣдняго ³⁾). Мало того, еще раньше Платону было нанесено косвенно весьма чувствительное оскорбленіе. Два другіе первенствующіе іерарха—архіепископы Гавріиль новгородскій и Самуилъ кіевскій—въ 1783 г. были пожалованы титуломъ митрополита, а московскій владыка былъ обойденъ и остался по прежнему архіепископомъ. Для іерархическаго самосознанія Платона это былъ тяжелый ударъ. Онъ не безъ основанія приписывалъ его своимъ синодскимъ недоброжелателямъ. По дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, «положено было тогда и его пожаловать въ митрополита, и клубукъ бѣлый былъ приготовленъ, какъ самъ князь Потемкинъ Платону сказывалъ; но помѣшали злые люди, представляя, что онъ отъ сего якобы и болѣе возгордится; а наипаче духовникъ императрицы Памфиловъ» ⁴⁾). У Памфилова съ Платономъ были свои счеты изъ-за московскаго придворнаго духовенства, при чемъ Памфиловъ оказывалъ покровительство лицамъ, под-

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и др. рос., 1875 г., кн. 4, стр. 170.

²⁾ Письма, стр. 5—6.

³⁾ Автобіографія, стр. 234.

⁴⁾ Автобіографія, стр. 235.

вергавшимся немилости у Платона. Сильно настраивалъ Памфилова противъ Платона и его протече, вышеупомянутый прот. Петръ Алексѣевъ, человѣкъ безъ строгихъ нравственныхъ принциповъ, справедливо подвергавшійся взысканіямъ со стороны епархіальнаго начальства. Какъ бы то ни было, но въ глазахъ Памфилова, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и довѣріемъ Екатерины, Платонъ былъ представителемъ властолюбивыхъ іерархическихъ тенденцій монашествующаго духовенства, между тѣмъ какъ самъ Памфиловъ считался защитникомъ интересовъ блага духовенства. Непріязненные отношенія съ Памфиловымъ Платона обострились извѣстной исторіей изъ за митры, пожалованной духовнику. Мы видѣли, какъ Платонъ отнесся къ этому пожалованью: онъ считалъ ее узурпаціей архіерейской привиллегіи. Въ знакъ досады московскій владыка прозвалъ Памфилова рора *mitratus*. Конечно, и духовникъ съ своей стороны готовъ былъ причинить, при случаѣ, Платону непріятность. Если онъ, дѣйствительно, былъ виновникомъ обиды Платона съ бѣлымъ клобукомъ, то достигъ цѣли: Платонъ, не любившій вообще признаваться въ уязвленіи самолюбія, на этотъ разъ самъ сознается, что ему былъ «прискорбень» обходъ его съ митрополничьимъ званіемъ ¹⁾. Впрочемъ, униженіе московскаго владыки было временнымъ. Екатерина должна была понимать, что въ глазахъ общества, чтившаго въ Платонѣ блестящаго проповѣдника и воспитателя наследника престола, нельзя унижать его безнаказанно. И тактъ не позволилъ ей долго продолжать обиду. Лѣтомъ 1787 г., на обратномъ пути изъ Крыма, императрица посѣтила Москву, на этомъ разъ оказала архіепископу особое вниманіе, а въ день ангела 29 іюня пожаловала его и бѣлымъ клобукомъ, причемъ самому Памфилову выпало на долю провозгласить Платона митрополитомъ ²⁾.

Этотъ проблескъ стараго благоволенія сильно обрадовалъ Платона. Онъ напомнилъ ему о минувшихъ дняхъ власти, почета и вліянія и поднялъ его унавшій отъ испытанія судьбы духъ. Повидимому, у него мелькнула мысль, что звѣзда его снова готовится подняться. Но онъ ошибся. Обласкавъ знаменитаго іерарха, во вниманіе къ общественному мнѣнію, Екатерина спять объ немъ забыла и вовсе не думала призывать его снова къ церковно-правительственной дѣятельности. Въ

¹⁾ Ibid., стр. 235.

²⁾ Ibid.

положеніи Платона, кромѣ титула, ничто не измѣнилось. Напротивъ, милость государыни какъ бы разожгла непріязнь къ нему его антагонистовъ и они постарались, съ одной стороны, набросить на него тѣнь въ глазахъ императрицы, а съ другой— дать ему почувствовать, что власть все-таки остается въ ихъ рукахъ. «Обрадованъ былъ Платонъ,—пишетъ митрополитъ въ автобіографіи, послѣ пожалованія ему бѣлаго клобука,— но не обрадовались тѣ, кои ему не доброжелательствовали, а власть по командѣ духовной имѣли въ своихъ рукахъ; почитали его для себя тягостнымъ, и не надѣялись себя возвысить и усилить, развѣ униженіемъ и ослабленіемъ его; всѣ изобрѣтали способы его безпокоить. Нѣкоторые явились просители въ синодѣ, что никогда не бывало. Ибо узнали, что есть такіе, кои тому рады, и имъ помогать будутъ. И хотя бы просители по дѣлу не могли ничего получить, ибо оказались виновными; но между тѣмъ разными спросами, справками и нарочнымъ продолженіемъ былъ митрополитъ обезпокоиванъ. При томъ въ Москвѣ, чего ни въ какой почти епархіи нѣтъ, команда раздѣлилась, весь городъ и монастыри въ командѣ митрополита, но нѣкоторые монастыри и два собора подъ вѣдомствомъ синода. Сіи архимандриты, и соборные попы, митрополиту не токмо во многомъ не повиновались по обрядамъ церковнымъ, но и досады разныя причиняли... Имъ наипаче содѣйствовали взошедшіе въ особую у императрицы довѣренность митрополитъ новгородскій Гавріиль, и оберъ-прокуроръ Пушкинъ, кои два въ синодѣ дѣлали, что хотѣли, и явно властью синодскою, и тайно, изощренными способами. А другіе, имъ угождаа, хотя и нехоты, тому же послѣдовали»¹⁾).

Здѣсь мы видимъ, что главнымъ виновникомъ недоброжелательнаго отношенія къ себѣ высшихъ сферъ и отстраненія его отъ власти Платонъ считалъ митр. Гавріила, съ оберъ-прокуроромъ Муснымъ-Пушкинымъ, сторонникомъ Гавріила. У Платона съ Гавріиломъ нелады начались давно, кажется съ момента ихъ невольнаго соперничества при замѣщеніи должности законоучителя наследника престола. Затѣмъ, Платонъ съ Гавріиломъ явились силою обстоятельствъ соперниками и въ дальнѣйшемъ іерархическомъ служеніи, возвышаясь одновременно и одновременно становясь претендентами на ближайшее участіе въ высшемъ церковномъ управленіи. Гавріилу достался Петер-

¹⁾ Стр. 236.

бургъ—ближе къ трону; Платону—Москва. Но въ дальнѣйшемъ Гавріиль опередилъ Платона и въ то время какъ послѣдній совсѣмъ отстранился изъ синода, первый занялъ въ немъ первенствующее мѣсто. Весьма возможно, что въ глубинѣ души Платонъ считалъ это мѣсто принадлежащимъ себѣ по праву заслугъ и дарованій, и потому еще болѣе досадовалъ на соперника. Однако, со стороны Гавріила трудно и въ самомъ дѣлѣ предполагать какія-то тайныя интриги противъ своего московскаго собрата. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, склонный къ подвижничеству, скромный и молчаливый, весьма умный, осторожный и тактичный, и несомнѣнно честный. У него не было ни остраго властолюбія, ни честолюбивой пронырливости. Высокій постъ достался ему безъ его хлопотъ, просто потому, что Екатерина увидѣла въ немъ человѣка, подходящаго подъ условія времени. Онъ не «пралъ противъ рожна», не любилъ шума, уступалъ гдѣ нужно, но не поступался все-таки нѣкоторыми основными принципами, и умѣлъ лавировать въ концѣ концовъ среди современныхъ правительственныхъ теченій. Императрица, повидимому, искренно уважала Гавріила, какъ «мужа разонабельнаго», и прислушивалась къ тому, что скажетъ этотъ мужъ¹⁾, что было для нея рѣдкостью... Тайная интрига или месть со стороны такого человѣка неестественны. Надобно думать, поэтому, что Платонъ не совсѣмъ безпристрастно оцѣнивалъ обстоятельства. Въ синодѣ, быть можетъ, только просто не оказывали московскому митрополиту особой предупредительности и считали нужнымъ разобрать каждую жалобу изъ его епархіи. Платону, который полагалъ, что ему должны вѣрить на слово, какъ начальнику, такой порядокъ не нравился и онъ приписывалъ его злостному намѣренію. Нельзя не сказать, что въ иныхъ случаяхъ самъ Платонъ былъ виноватъ въ возникавшихъ непріятностяхъ. Такъ, еще въ 1782 году Платонъ просилъ, чтобы не требовалось отчета въ деньгахъ, отпускаемыхъ на ремонтъ архіерейскихъ домовъ. Императрица этого не разрѣшила, и между прочимъ Платону было поручено сообщить объ этомъ указѣ синоду для объявленія по епархіямъ. Платонъ указа не объявилъ. Обстоятельство это открылось только въ 1789 г., когда возникло дѣло о незаконномъ употребленіи денегъ въ вятскомъ

¹⁾ Макарій, Сказаніе о жизни и трудахъ м. Гавріила, 1897 г., стр. 26, 28, 29, 49 и др.

архіерейскомъ домѣ. Оказалось, что тамъ указа 1782 г. не имѣлось. Тогда св. синодъ затребовалъ отъ Платона копію не объявленнаго имъ указа. Платону пришлось извиняться забывчивостью и, конечно, чувствовать себя непріятно. Амвросію по этому поводу онъ писалъ: «Вятское дѣло столь постыдно, что горестно и вспоминать. Вотъ Евангеліе! Враги человѣку домашніе его»... ¹⁾). Но кто же тутъ былъ виноватъ?

Итакъ, бѣлый клобукъ не былъ для Платона знакомъ новаго восхожденія его звѣзды. Это была царская милость отставному дѣятелю, котораго считали нужнымъ сохранять для глазъ общества. Императрица, видимо, давно составила уже о московскомъ іерархѣ свое мнѣніе, которое разъ навсегда устранило возможность привлеченія его снова къ какому-либо отвѣтственному дѣлу ²⁾). Платонъ понялъ это. Онъ пробовалъ было обращаться къ государынѣ, послѣ ея милости, по нѣкоторымъ епархіальнымъ дѣламъ, но не получилъ даже отвѣта ³⁾). Видя такое невниманіе и удручаемый отношеніемъ къ нему правящихъ церковныхъ сферъ, онъ, наконецъ, рѣшился на крайнюю мѣру: 2 февр. 1792 г. подалъ прошеніе объ увольненіи его и отъ епархіальнаго управленія, съ дозволеніемъ жить въ Лаврѣ. Свой поступокъ онъ такъ объяснялъ Амвросію: «Не однѣ немощи тѣлесныя препятствуютъ мнѣ продолжать управленіе, но самое управленіе рождаетъ во мнѣ скуку и тоску... Синодскіе всячески стараются разрушить то, что могло бы служить къ моему спокойствію» ⁴⁾). Конечно, въ просьбѣ Платона былъ нѣкоторый элементъ демонстраціи; но, по существу, кажется, онъ искренне желалъ лучше уйти совсѣмъ со служебнаго поприща, чѣмъ оставаться въ унижительномъ, по его мнѣнію, положеніи. Однако, просьба не была уважена. Екатерина именно понимала, что митрополитъ просится на покой не столько по немощамъ тѣлеснымъ, сколько побуждаемый внутреннимъ недовольствомъ; а она не хотѣла дать поводъ обществу обвинять себя въ несправедливости къ маститому іерарху, воспитателю ея сына. И на этотъ разъ не замедлилъ получить отъ государыни отвѣтъ. Она писала, что ей «сожалительно» видѣть обстоятельства, побуждающія Платона просить

¹⁾ Письма, стр. 18.

²⁾ Мы разумѣемъ отзывъ императрицы о Платонѣ, передаваемый въ запискахъ Храповицкаго (подъ 27 апр. 1788 г.): „блудливъ, какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ“.

³⁾ Автоб., стр. 236.

⁴⁾ Письма, стр. 23.

увольненія отъ епархіи (Платонъ указывалъ на болѣзни и стремленіе къ уединенію), и говорила, что она находитъ возможность и безъ увольненія быть ему свободнымъ отъ дѣлъ. Именно, она предоставляла ему жить въ Лаврѣ, сколько угодно, а епархіальное правленіе поручить викарію ¹⁾).

Платонъ остался на каедрѣ, но его роль теперь стала уже наполовину декоративной. Сдавъ значительную часть дѣлъ викарію и отстранившись совсѣмъ отъ участія въ синодальной канторѣ, гдѣ онъ давно чувствовалъ себя такъ же непріятно, какъ нѣкогда въ синодѣ, онъ большею частью жилъ въ Лаврѣ и въ созданной имъ Виѳаніи. Новое положеніе сказалось, естественно, еще большимъ удаленіемъ отъ сферы обще-церковныхъ дѣлъ, съ которою до сихъ поръ все-таки приходилось соприкасаться митрополиту. Платонъ это почувствовалъ и съ отѣнкомъ горечи писалъ Амвросію (отъ 13 ноября 1794 г.): «Прежде я васъ письмами задиралъ: ибо нѣсколько рулемъ общихъ дѣлъ правя, имѣлъ что писать. Но нынѣ все вращается безъ меня: другіе на себя обращаютъ очи и перо» ²⁾). Отношеніе императрицы, въ послѣдніе годы ея жизни, къ московскому митрополиту стало еще холоднѣе. Она иногда готова была уже его въ лицо третировать и чуть ли не читать ему полу-ироническіе уроки. Такимъ тономъ по крайней мѣрѣ дышетъ ея отвѣтъ на просьбу Платона, въ мартѣ 1796 г., дозволить ему путешествіе въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. «Преосвященный митрополитъ московскій!—гласитъ письмо императрицы.—Я получила письмо ваше отъ 23 марта, изъявляющее желаніе ваше видѣть древній городъ Кіевъ и посѣтить тамошнія святыя мѣста. Къ удовлетворенію онаго не нахожу я удобнымъ настоящее время, во-первыхъ, по причинѣ, что тамъ хозяина нѣтъ, а во-вторыхъ, и по состоянію слабаго здоровья вашего, не позволяющаго такъ дальній путь предпринять. Впрочемъ, если по болѣзни нужно вамъ движеніе, то не лучше ли объѣхать свою, или порученную вамъ Крутицкую епархію, которыхъ пространство довольно велико; а изъ того можетъ произойти и польза для вашего здоровья и польза для епархіи» ³⁾). Зву-

¹⁾ Письмо Платона Екатеринѣ—въ „Письмахъ Пл. къ высоч. особамъ“, стр. 6. Письмо Екатерины къ Платону — у Снегирева, ч. 1, стр. 127.

²⁾ Письма, стр. 26.

³⁾ „Чт. въ общ. ист. и др. рос.“, 1875 г., кн. 4, стр. 177.

чащее тутъ желаніе уколоть митрополита за прежнюю демонстративную просьбу на покой и иронія надъ благочестивымъ желаніемъ старца были не совсѣмъ приличны по отношенію къ 60-лѣтнему іерарху; но сама Екатерина доживала послѣдніе мѣсяцы и, можетъ быть, нельзя судить ее слишкомъ строго. Платонъ справедливо недоумѣвалъ, почему ему не разрѣшили отправиться въ Кіевъ и подозрѣвалъ тутъ интригу все со стороны того же Гавріила, въ которомъ видѣлъ своего недоброжелателя ¹⁾).

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ для Платона въ эти сумерки екатерининскаго царствованія былъ призывъ къ церковно-правительственной дѣятельности его друга, преосвященнаго Амвросія Подобѣдова. Въ 1795 году Амвросій былъ вызванъ изъ Казани въ Петербургъ для присутствованія въ св. синодѣ. Уже самый слухъ объ этомъ событіи наполнилъ радостью сердце московскаго митрополита. «Здѣсь носится слухъ,—писалъ онъ Амвросію 9 іюля 1795 г.,—будто вы скоро переселитесь въ Петербургъ. Если это случится, то есть чему порадоваться и вамъ и мнѣ самому; ибо не сомнѣваюсь, что это послужитъ къ славѣ Божіей и къ пользѣ церкви, а не къ тому, чтобы намъ раболѣпствовать страстяхъ другихъ» ²⁾). На Амвросія Платонъ возлагалъ надежды. Онъ радъ былъ имѣть въ синодѣ хотя одного «своего» человѣка, на котораго онъ могъ бы рассчитывать и который, ему казалось, будетъ проводить его взгляды. Но радость эта была нѣсколько преждевременной...

Вообще надежда на перемѣну обстоятельствъ не оставляла Платона въ его московскомъ уединеніи. «Упованіе на Бога, не благоволитъ ли когда перемѣнить печальная на радостная» ³⁾ поддерживало духъ московскаго іерарха въ трудныя минуты. И вотъ наступилъ моментъ, когда, повидимому, надеждѣ предстояло осуществиться. 6-го ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина и на престолъ вступилъ воспитанникъ Платона Павелъ. Какія дружескія отношенія были между Платономъ и Павломъ при жизни матери послѣдняго, можно судить по приведенному нами выше письму Павла къ своему учителю. И такихъ писемъ было не мало. Наслѣдникъ престола и послѣ удаленія Платона въ Москву продолжалъ

¹⁾ Письма къ Амвросію, стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 27. ³⁾ Ibid., стр. 19.

поддерживать съ нимъ дружескую переписку, оставаясь вѣрнымъ старому уваженію и привязанности. Естественно, что переходъ императорскаго скипетра къ Платонову ученику породилъ у всѣхъ мысль, что теперь настало время торжества для полу-опальнаго іерарха. Тѣмъ болѣе, послѣдній былъ еще въ сущности въ полнотѣ силъ: ему было всего ок. 60 лѣтъ и его немощи, какъ не скрывалъ онъ и самъ, были скорѣе дипломатическаго свойства, не мѣшая ему, въ случаѣ нужды, еще дѣятельно трудиться на поприщѣ церковнаго управленія. «Всѣ обратили взоры свои на Платона, — читаемъ мы въ автобіографіи, — не только въ Россіи, но, можетъ быть, и внѣ предѣлъ ея; какъ то онъ могъ усматривать изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ почитали, что онъ у новаго императора въ особой будетъ довѣренности, и особеннымъ какимъ-либо образомъ будетъ отличенъ и возвышенъ. Ибо, кромѣ должности учительской, которую онъ проходилъ при новомъ государѣ, еще съ десяти его лѣтъ, всегда былъ имъ любимъ Платонъ, и по отбытіи отъ двора, всегдашнюю съ нимъ любовную вель переписку лѣтъ черезъ пятнадцать, даже не упускалъ государь того, когда былъ и въ чужихъ краяхъ, какъ-то своеручныя письма его, коихъ до 200, и кои хранятся до нынѣ цѣлы, свидѣтельствуютъ. Всегда удостоивалъ его, такъ сказать, своей дружбы и подписывалъ къ нему въ письмахъ: вашъ вѣрный другъ. Да и въ самые изъ Москвы въ Петербургъ пріѣзды не иначе съ нимъ обходился, какъ съ другомъ. По сему всѣ заключили о Платонѣ что-то немалое»¹⁾. Но должно быть счастье, столь баловавшее Платона на зарѣ его дѣятельности, отвернулось отъ него, потому что и на этотъ разъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не суждено было Платону снова войти во власть и силу, что всѣ предполагали. Не даромъ, при общей увѣренности въ его приближеніи ко двору, «одинъ онъ что-то предчувствовалъ все неблагопріятное», по словамъ автобіографіи.

Платоновъ вѣнценосный другъ сначала, дѣйствительно, первымъ долгомъ вспомнилъ о своемъ другѣ. Въ то время, какъ въ Москву летѣла молва о перемѣнѣ на тронѣ, вмѣстѣ съ нею летѣлъ уже курьеръ къ Платону съ собственноручнымъ письмомъ новаго государя (отъ 7-го ноября), которое гласило: «Преосвященный митрополитъ московскій Платонъ!

¹⁾ Автобіографія у Снегирева, стр. 238.

Вамъ первому симъ извѣщаю, что матери моей не стало вчера къ вечеру. Приѣзжайте ко мнѣ, распоряди по епархіи своей. Всегда вѣрный другъ и благосклонный—Павель» ¹⁾. Курьеръ прибылъ къ Платону черезъ часъ послѣ первыхъ писемъ, извѣщавшихъ о смерти Екатерины. Платонъ такъ передаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него неожиданнымъ извѣстіемъ: «Сему призыву не весьма порадовался Платонъ; ибо любя уединеніе, и наскучивъ суетами міра сего, и приближаясь къ старости, боялся, чтобъ не принужденъ былъ жить въ Петербургѣ и не привязанъ былъ къ какимъ-либо дѣламъ, особливо при дворѣ» ²⁾. Но, во-первыхъ, позволительно думать, что радость Платона далеко превышала его опасенія: вспомнимъ только ту горечь, какую чувствовалъ онъ въ своемъ удаленіи отъ кормила власти. Во-вторыхъ, какъ бы то ни было, а Платона звали, какъ друга, къ трону и это ясно показывало, что взоры всѣхъ не напрасно обращались на него. Однако, все быстро измѣнилось.

Хотя государь звалъ Платона, очевидно, желая его поскорѣ видѣть при себѣ, но Платонъ не особенно поторопился. Слова письма Павла о распоряженіи по епархіи онъ понялъ, какъ отсрочку для устройства епархіальныхъ дѣлъ и, приѣхавъ въ Москву изъ Лавры, занялся здѣсь этими дѣлами. Затѣмъ, здѣсь же услышалъ онъ о новости — награжденіи духовныхъ лицъ «кавалеріями» — орденами и кавалерскими званіями, введенномъ Павломъ тотчасъ по вступленіи на престолъ. Платонъ, рассчитывая на право дружбы, рѣшился высказаться государю противъ названнаго нововведенія, которое, по его мнѣнію, было дѣло «необыкновенное и никогда въ духовенствѣ ни въ греческомъ, ни въ російскомъ небывалое», могущее вызвать «расколъ» и въ народѣ и «между единовѣрными какъ греческими и другими народами» раздѣленіе. Онъ написалъ Павлу письмо въ этомъ духѣ, говоря, что «новое архіереевъ кавалеріями пожалованіе принято почти отъ всѣхъ съ удивленіемъ, и что оно можетъ дать случай къ разнымъ толкованіямъ» ³⁾. Но Платонъ, видимо, плохо зналъ характеръ своего друга и ученика. Крайне вспыльчивый и раздражительный, болѣзненно-самолюбивый и подозрительный Павель

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1875 г., кн. 4, стр. 178.

²⁾ Автобіографія, стр. 237.

³⁾ Ibid., стр. 238. Письма Пл. къ высоч. особ., стр. 9—10.

посмотрѣлъ и на замедленіе Платона и на его письмо о кавалеріяхъ съ точки зрѣнія самодержца, требующаго отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія, а не друга и воспитанника. Замедленіе его обидѣло, а письмо внушало подозрѣніе, что московскій владыка пробуетъ вмѣшиваться въ его распоряженія и прекословить его волѣ. И когда, наконецъ, 2 декабря 1796 г., Платонъ выѣхалъ въ Петербургъ, то около Твери его встрѣтилъ курьеръ отъ государя съ грознымъ письмомъ такого рода: «Преосвященный митрополитъ московскій Платонъ! Съ удивленіемъ вижу я отлагательство и медленность пріѣзда вашего въ издѣшнюю столицу, а еще съ большимъ неудовольствіемъ неприличный отзывъ вашъ, въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ сдѣланный. Признаюсь, что сколь по долгу вѣрноподданнаго, столь наиболѣе по дружбѣ моей къ вамъ, ожидалъ я, что вы волю мою исполнить поспѣшите; но когда усматриваю противное тому, и когда вы въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего позволили себѣ шагъ непристойный и высокоумный, то и я убѣждаюсь стать противу васъ на другой уже ногѣ, приличной достоинству государя вашего». Подъ письмомъ не было уже увѣреній въ дружбѣ и благосклонности, а стояла лаконическая подпись: «Павель» ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополиту наносилась другая, не меньшая обида. Въ письмѣ о кавалеріяхъ Платонъ между прочимъ просилъ императора, чтобы по случаю его отѣзда въ Петербургъ дозволено было присутствовать въ московской синодальной канцеляріи его викарію, епископу дмитровскому. Разгнѣванный Павель нашелъ, въ порывѣ досады, и эту просьбу «недѣльной», хотя въ ней не было ничего необычнаго, и далъ повелѣніе синоду «вразумить митрополита въ недѣльной его просьбѣ». Члены синода, съ оберъ-прокуроромъ Мусинымъ-Пушкинымъ, не очень расположенные къ Платону и, весьма возможно, опасавшіеся его возвращенія къ власти, поспѣшили воспользоваться неожиданной опалой и уязвить московскаго владыку. Былъ тотчасъ написанъ синодскій указъ со многими «вразумленіями», при чемъ, по словамъ Платона, такъ спѣшили, «что въ воскресный день, въ придворной церкви, на жертвенникѣ подписывали опредѣленіе» ²⁾).

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1875 г., кн. 4, стр. 180—181.

²⁾ Автобіографія, стр. 239.

Можно себѣ представить, какъ пораженъ былъ Платонъ, получивъ эти два удара—Павлово письмо и синодскій указъ. Онъ ѣхалъ съ радужными надеждами и вдругъ сразу попалъ въ опалу. Въ смущеніи и горести, не зная, что дѣлать, митрополитъ не рѣшался уже ѣхать въ Петербургъ: что было ему дѣлать у разгнѣваннаго монарха? Разсудивъ, что самое приглашеніе теперь потеряло силу, онъ возвратился въ Москву и отсюда послалъ объясненіе императору. Къ объясненію присоединялась просьба объ увольненіи на покой ¹⁾: Платонъ думалъ, что все кончено и ему ничего не остается, какъ уйти, не дожидаясь дальнѣйшихъ проявленій монаршаго гнѣва. Но Павелъ былъ вспыльчивъ, а не злопамятенъ. Когда прошелъ порывъ гнѣва, въ немъ заговорили прежнія чувства къ воспитателю. По существу дѣла, вѣдь, Платонъ не сказалъ ему ничего обиднаго, во всякомъ случаѣ такого, что не согласно было бы съ «долгомъ вѣрноподданнаго»: «другъ» могъ бы говорить даже и смѣлѣе. Только характеръ императора объясняетъ его рѣзкость. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ свидѣтельствѣ сенатора Лопухина въ его запискахъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ опалы Павелъ говорилъ митрополиту Гавріилу: «Пожалуйста, оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него. Мы и такъ пересолили» ²⁾. На просьбу Платона объ увольненіи смягченный ученикъ отвѣчалъ уже какъ благосклонный монархъ (хотя и не «другъ»), желающій забыть свою неумѣренную вспышку. Онъ написалъ Платону, что ждалъ поспѣшнаго его пріѣзда отъ удовольствія его видѣсь съ собою и чтобы возложить и на него отличительные орденскіе знаки, пожалованные другимъ архіереямъ; что теперь ѣхать нужды нѣтъ, такъ какъ самъ онъ собирается въ Москву для коронаціи; и выражалъ надежду, что Платонъ не откажется отъ епархіи, продолжая управление «во славу Бога и на пользу паствы» ³⁾. Письмо нѣсколько ободрило Платона. Онъ остался. Но тѣ ожиданія, какія связывались съ именемъ Платона при восшествіи Павла на престоль, исчезли безслѣдно. Онъ мелькнули, какъ метеоръ, оставивъ московскаго святителя въ его прежнемъ печальномъ отчужденіи отъ высшихъ сферъ церковныхъ и придворныхъ.

¹⁾ Письма къ высоч. особамъ, стр. 8.

²⁾ См. у Свєгирєва, 4-е изд., ч. I, стр. 120.

³⁾ Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1875 г., кн. 4, стр. 183.

Отношенія Платона съ новымъ императоромъ, разъ омрачившись, болѣе не налаживались. «Дружба» порвалась. Хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ онъ писалъ въ своемъ гнѣвномъ письмѣ, но Павелъ сталъ съ бывшимъ учителемъ «на другую ногу». Не такіе люди, какъ Платонъ, могли угодить измѣнчивому, подозрительному монарху, для котораго много значила всякая мелочь. Въ мартѣ 1797 г. ожидался въ Москву пріѣздъ государя для коронаціи. Къ этому времени прибылъ сюда синодъ, гдѣ велѣно было присутствовать и Платону. Но положеніе временнаго гостя въ высококомъ учрежденіи не доставляло удовольствія московскому митрополиту. Какъ онъ долженъ былъ чувствовать себя среди тѣхъ, кто недавно писалъ ему обидныя «вразумленія»? Платонъ предпочелъ лишь изрѣдка появляться въ синодѣ, да и то жаловался на «искушенія», претерпѣваемые отъ собратій ¹⁾). О вліяніи на синодальныя дѣла, при такихъ условіяхъ, трудно и говорить... «Взоры всѣхъ», такъ быстро устремившіеся на Платона въ ноябрѣ 1796 г., черезъ четыре мѣсяца устремлялись совсѣмъ на другихъ... Люди, близкіе къ власти, чувствовали, что сверкнувшая новымъ свѣтомъ Платонова звѣзда померкла навсегда при новомъ государѣ. И они не ошибались. Первая же встрѣча воспитателя съ бывшимъ ученикомъ и другомъ въ Москвѣ оказалась не въ пользу перваго. Въ самый день пріѣзда Павла у Платона случился приступъ хроническій болѣзни; онъ еле могъ встрѣтить императора и посиѣшилъ къ себѣ домой. Между тѣмъ прибылъ посланный Павла съ приглашеніемъ митрополита на другой день ко двору. Въ письмѣ своемъ Павелъ изъявлялъ, видимо, готовность забыть происшедшую размолвку и вернуть старую дружбу, но... съ нѣкоторымъ условіемъ: чтобы и Платонъ отказался отъ своего противорѣчія волѣ императора на счетъ кавалерій. «Ваше преосвященство, — писалъ Павелъ, — обыкновеннымъ своимъ образомъ тронули сердце мое (разумѣется привѣтственная рѣчь Платона). Вы ему помѣшали было отдаться чувству его. Отъ васъ зависитъ самихъ, пріѣхавъ завтра ко мнѣ, кончить то, чѣмъ благодарность единственно показать могу, чѣмъ предъ собою и свѣтомъ долженъ» ²⁾). Однако, Платонъ не былъ уступчивъ. Колебанія ли, или дѣйствительно болѣзнь (какъ говоритъ онъ въ

¹⁾ Автобіографія, стр. 239.

²⁾ Чт. въ общ. ист. и др. рос., кн. 4, стр. 186.

въ автобіографіи) задержали его, но онъ явился ко двору лишь черезъ пять дней. Государь его принялъ немедленно и тотчасъ по входѣ возложилъ на него андреевскій орденъ. Платонъ сталъ на колѣна и началъ просить, чтобы государь его отъ этого избавилъ, повторяя доводы своего прежняго письма. Павелъ, однако, не сталъ и говорить, заявивъ, что объ этомъ довольно разсуждать и онъ хочетъ, чтобы его воля была исполнена. Митрополитъ покорился. Государь побесѣдовалъ съ нимъ довольно долго, но и въ бесѣдѣ, когда Платонъ «осмѣливался предлагать нѣкоторые совѣты», Павелъ «оставался непреклоненъ въ своихъ мысляхъ». Платона пригласили къ обѣду, но онъ извинился нездоровьемъ и уѣхалъ ¹⁾. Повидимому, все обошлось благополучно. Но на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Учитель, очевидно, не пошелъ на уступки ученику: онъ не принялъ съ благодарностью его пожалованье, а осмѣлился противорѣчить высочайшей волѣ, настаивать на своей прежней «дерзости». Онъ рѣшался подавать совѣты тому, кто не терпѣлъ никакихъ совѣтовъ, полагая закономъ свое мнѣніе. При такихъ условіяхъ полное примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Оказавши митрополиту и учителю требуемое приличіемъ вниманіе, Павелъ отъ встрѣчи вынесъ впечатлѣніе, еще укрѣпившее его охлажденіе. Впрочемъ, при своемъ неровномъ, порывистомъ характерѣ государь не былъ постояненъ. Послѣ описанной бесѣды, онъ долго не видѣлся съ Платономъ, не требовалъ его къ себѣ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній, хотя къ тому были прямые поводы въ распоряженіяхъ по церковнымъ дѣламъ; но всѣ распоряженія дѣлались черезъ другихъ. Только послѣ коронаціи, которую совершалъ Платонъ, государь опять нѣсколько смягчился. Митрополитъ имѣлъ двѣ аудіенціи и удостоился милостиваго приглашенія въ Петербургъ. Смягчившись, Павелъ открылъ Платону отчасти и интимную подкладку его неровныхъ отношеній къ бывшему учителю. Онъ разсказалъ ему о «многихъ наговорахъ», и «небезважныхъ», какіе дѣлались на митрополита,—очевидно, его недоброжелателями. Платонъ считалъ эти наговоры «злойной клеветой», выдуманной его духовными и свѣтскими врагами, которые всемѣрно старались не допустить его до довѣренности у государя, «опасаясь его свободнаго и нелицепріятнаго нрава». Онъ на колѣняхъ просилъ произ-

¹⁾ Автобіографія, стр. 240.

вести слѣдствіе, чтобы обличить клеветниковъ. Павелъ ска- залъ, что онъ передаетъ лишь то, что ему говорили. Но червь сомнѣнія, видно, таился въ душѣ подозрительнаго монарха. Это ясно показываетъ слѣдующій случай. Митрополитъ при- гласилъ государя въ Лавру, куда Павелъ и пріѣхалъ съ семейю 23-го апрѣля вечеромъ. Платонъ рассчитывалъ здѣсь и уго- стить царскую фамилію на завтра обѣдомъ, какъ вдругъ го- сударь объявилъ, что на другой день онъ непременно хочетъ обѣдать въ Виоаніи. Все не ожидавшій этого митрополитъ принужденъ былъ торопливо приготовить все къ царскому посѣщенію. Оказалось, что государю наговорили, будто въ Виоаніи его письмами къ Платону оклеены стѣны комнатъ и онъ лично хотѣлъ убѣдиться, насколько это справедливо ¹⁾. Если Павелъ вѣрилъ сколько-нибудь подобнымъ вздорнымъ слухамъ, то, значить, не велико было его довѣріе къ своему учителю. И хотя онъ убѣждался въ неосновательности кле- веты, слушалъ Платоновы увѣренія, но каждый разъ готовъ былъ прислушаться и къ голосу клеветниковъ.

Самъ Платонъ, должно быть, понялъ, что о возобновленіи прежнихъ отношеній съ Павломъ не можетъ быть и надежды. Кратковременное пребываніе въ Москвѣ государя съ его по- рывами то милости, то охлажденія, довѣрчивости и подозрѣ- нія, убѣдило митрополита, что ему никогда не сойтись съ бывшимъ ученикомъ, ставшимъ на ногу самодержца, и не уго- дить на новыя придворныя теченія, измѣнчивыя, какъ вѣтеръ. И онъ рѣшилъ вторично просить объ окончательной отставкѣ, предпочитая уйти самому, чѣмъ дожидаться, чтобы какая-либо капризная волна не сбросила его съ поста безъ его вѣдома. Платонъ, объясняя въ автобіографіи причины своего рѣшенія, сознается, что онъ еще чувствовалъ въ себѣ ревность и силы потрудиться на пользу общую, «но зная совершенно свой нравъ, зная же не меньше и нравъ государевъ, заключилъ, что онъ государю не угодить, а потому и полезнымъ быть не можетъ, и судилъ за лучшее добрымъ порядкомъ уволену быть» ²⁾. Въ самый день посѣщенія Виоаніи царской семейей, подтвер- дившаго, какъ трудно угодить Павлу, Платонъ, при отъѣздѣ государя изъ лавры, и подалъ свое прошеніе. Но и Павелъ, какъ Екатерина, понималъ, что уволить маститаго іерарха, еще бодрого и сильнаго, на покой—есть поступокъ, могущій вы-

¹⁾ Автобіографія, стр. 240—242.

²⁾ Стр. 244.

звать нежелательныя толкованія, тѣмъ болѣе, что это былъ его учитель. И онъ рѣшительно сказалъ: «сему быть нельзя» ¹⁾. Но отношенія между императоромъ и Платономъ не улучшились и послѣ, повидимому, выясненія недоразумѣній, созданныхъ клеветою завистниковъ и подозрительностью Павла. Когда митрополитъ черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Виѣанинъ прѣѣхалъ во дворецъ благодарить за посѣщеніе, то не былъ принятъ. Не былъ принятъ онъ и второй разъ, когда отправился благодарить за дарованныя милости—учрежденіе семинаріи и монастыря въ Виѣанинъ: ему вынесли брилліантовый андреевскій крестъ, но до государя не допустили. Правда, уѣзжая изъ Москвы, 3-го мая, Павелъ при прощаніи былъ снова любезенъ съ Платономъ и нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ въ Петербургъ. Но когда осенью того же 1797 г. Платонъ задумалъ воспользоваться приглашеніемъ и ко дню рожденія государя, къ 20-му сентября, явился въ Петербургъ, то долженъ былъ испытать весьма непріятныя минуты. 20-го сентября онъ, дѣйствительно, представился ко двору въ Гатчинѣ, былъ принятъ благосклонно и ласково, оставленъ обѣдать. Но это было и все: затѣмъ о немъ забыли. Даже послѣ обѣда напрасно ждалъ онъ, что его позовутъ для дружеской бесѣды: съ нимъ было сказано нѣсколько словъ за столомъ, какъ съ гостемъ—и только. Подождаль Платонъ въ Гатчинѣ; подождаль въ Петербургѣ недѣлю, двѣ, пять—«не будетъ ли какова отъ государя ему приказанія, или не спроситъ ли о чемъ; навѣдывался и отъ другихъ, не слышатъ ли чего объ немъ; но ничего ни мало не послѣдовало; не иначе, какъ бы митрополита и въ Петербургѣ не было» ²⁾. Въ синодѣ Платонъ не ѣздилъ, «не имѣя желанія и не смѣя безъ повелѣнія». Положеніе—странное и обидное. Прождавъ напрасно полтора мѣсяца, митрополитъ, наконецъ, рѣшился напомнить о себѣ: онъ написалъ письмо Павлу съ просьбой позволить ему возвратиться въ Москву, напомнивъ, въ знакъ обиды, и о прежней просьбѣ на покой. Самъ Платонъ объясняетъ, что хотѣлъ выяснитъ положеніе ³⁾. Отвѣтъ получился любезный, но холодный. Императоръ выражалъ сожалѣніе, что Платонъ не пожилъ съ ними (?) долѣе..., но, снисходя просьбѣ, увольнялъ его домой. Обрадовался старецъ, что хоть благополучно вы-

¹⁾ Ibid., стр. 242.

²⁾ Автобіографія. стр. 244.

³⁾ Ibid.

брался изъ Петербурга ¹⁾. Такъ-то спутешествовалъ онъ въ гости...

Злой рокъ, казалось, нарочно и въ будущемъ мѣшалъ Платону хоть сколько-нибудь вновь вернуть благоволеніе Павла. Случайности складывались такъ, что выходили новыя недоразумѣнія. Въ маѣ 1798 г. Павелъ пріѣзжалъ въ Москву. Митрополитъ пріѣхалъ его встрѣтить, но въ самый день пріѣзда государя (10-го мая) было объявлено успенскому протопопу, чтобы въ соборѣ служилъ онъ, а не митрополитъ, встрѣчи никакой бы не было, привѣтственной рѣчи то же, и обѣдню отправляли бы въ свое время. Такъ и сдѣлали. Но государь прибылъ въ соборѣ въ началѣ перваго часа, когда обѣдню уже окончили. Митрополитъ его встрѣтилъ въ церкви и государь сказалъ, что пора начинать обѣдню. Узнавъ, что обѣдня уже отпѣта, согласно его распоряженію, Павелъ молча приложился къ иконамъ и уѣхалъ во дворецъ ²⁾. Оказалось потомъ, что онъ обидѣлся и потомъ говорилъ, что митрополитъ его съ обѣдней не подождалъ. Какъ тутъ угодить? Между тѣмъ императоръ далъ понять свое недовольство. Когда митрополитъ задумалъ пригласить Павла на праздникъ 15 мая въ архангельскій соборъ и поѣхалъ для этого во дворецъ, то его не приняли, сказавъ, что некогда. Въ день отъѣзда императора 16-го мая Платонъ просилъ опять прощальной аудіенціи, но его письменно увѣдомили, что на то государева изволенія нѣтъ. Такъ и уѣхалъ императоръ. Больше уже онъ никогда не видѣлся съ своимъ учителемъ. Онъ пересталъ даже отвѣчать на благодарственныя и поздравительныя письма митрополита и лишь незадолго до смерти отвѣтилъ на поздравленіе Платона ко дню своего рожденія (къ 20-му сентября 1800 г.) ³⁾. И тѣмъ не менѣе, не смотря на неудачу всѣхъ попытокъ къ сближенію, московскій владыка все-таки въ глубинѣ души питалъ надежду когда-нибудь вернуть прежнюю дружбу своего питомца. Онъ все думалъ, что ихъ разъединяютъ коварные клеветники, боящіеся близости неліцепріятнаго Платона къ Павлу, а Павелъ—внутренне къ нему расположенъ. И онъ ждалъ благопріятнаго случая растопить накопившійся ледъ ⁴⁾. Можетъ быть Платонъ не ошибался относительно сердца, при всѣхъ своихъ неровностяхъ характера, добраго государя: по крайней мѣрѣ

¹⁾ Ibid., стр. 245.

²⁾ Ibid., стр. 245.

³⁾ Ibid., стр. 246—247.

⁴⁾ Ibid., стр. 247—248.

Павель не забылъ Платона въ завѣщаніи и оставилъ ему послѣ преждевременной кончины знакъ своей бывшей дружбы—трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями, и свою любимую карету. Но сближенію прежнихъ друзей не суждено было совершиться.

Такимъ образомъ и въ царствованіе Павла I митрсп. Платонъ оставался за флагомъ церковно-правительственной дѣятельности, вдали отъ правящихъ сферъ, въ своей прежней роли созерцателя лишь происходящихъ событій. Естественно, что и отношеніе къ этимъ событіямъ московскаго владыки было прежнимъ. Въ своемъ уединеніи онъ съ критической точки зрѣнія смотрѣлъ на современную церковную дѣйствительность и его взоръ по-прежнему не находилъ въ ней ничего почти отраднaго. Смѣна царствованіи не измѣнила общаго церковно-правительственнаго режима. Правда, императоръ относился къ синоду нѣсколько внимательнѣе своей матери, проявлялъ заботы о церкви и духовенствѣ. Но государственное вліяніе въ церковной области оставалось неизмѣннымъ, у кормила церковнаго корабля стояли тѣ же люди, что и въ предшествующее время, которымъ Платонъ не симпатизировалъ и въ плодотворность дѣятельности которыхъ не вѣрилъ. Поэтому-то ноты недовольства не исчезаютъ со страницъ писемъ Платона къ Амросію, по которымъ мы можемъ судить объ отношеніяхъ его къ современности. Здѣсь мы встрѣчаемъ старыя жалобы на «ослабленіе команды» и субординаціи ¹⁾; неодобреніе церковно-правительственныхъ мѣропріятій (какъ-то распоряженіе о производствѣ въ настоятели и неученыхъ) ²⁾, доходящее до того, что даже слухъ о канонизаціи одного новаго угодника вызываетъ у Платона восклицаніе: «вотъ до чего дожили!» ³⁾; порицаніе замышляемыхъ преобразованій. Въ отношеніи послѣднихъ вообще Платонъ былъ консерваторомъ, защищавшимъ старое, иногда и не совсѣмъ полезное, защищавшимъ его въ угоду старымъ традиціямъ, не давая себѣ труда вдуматься въ условія современной жизни. Мы ниже встрѣтимся неоднократно съ проявленіями подобнаго консерватизма московскаго владыки. Но образчикъ его мы встрѣчаемъ и въ одномъ письмѣ Павлова времени. Въ самые послѣдніе годы царствованія Павла былъ поднятъ въ высшихъ сферахъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Между прочимъ высказывалась

¹⁾ Письма, стр. 38.

²⁾ Ibid., стр. 46.

³⁾ Ibid., стр. 39.

мысль о преподаваніи въ семинаріяхъ на русскомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго. Мысль безусловно здравая, потому что латинскій языкъ для будущихъ приходскихъ священниковъ былъ не нуженъ и лишь отдалялъ самое ученіе отъ жизни. Но когда слухъ о подобномъ нововведеніи дошелъ до Платона, то онъ поспѣшилъ высказаться противъ предполагаемой мѣры. «Чтобъ на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ лекціи преподавать, — писалъ онъ Амвросію, — я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-нѣмецки говорить не умѣемъ. Но еще нашу поддерживааетъ честь, что мы говоримъ по латинѣ и переписываемся. Ежели же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ, прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало, а что скорѣе ученіе будетъ оканчиваться, сіе не только не нужно, но еще надобно умножить время, поелику выходятъ и нынѣ студенты лѣтъ 20, кои не только во священники, но и въ діаконы не годятся» ¹⁾). Нельзя сказать, конечно, чтобы мнѣніе иностранцевъ было достаточнымъ мотивомъ для закрѣпощенія латыни русскаго духовнаго образованія... Но, впрочемъ, Платонъ въ данномъ случаѣ былъ выразителемъ господствующаго взгляда: не даромъ и реформа 1808—1814 гг. сохранила преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Консерватизмъ, хотя, быть можетъ, уже гораздо болѣе обоснованный, проявился и въ отношеніяхъ Платона къ поднятому въ царствованіе Павла вопросу о сближеніи раскольниковъ съ православною церковью. Московскіе старообрядцы еще въ царствованіе Екатерины задумали выхлопотать себѣ іерархію отъ православной церкви, но съ тѣмъ, чтобы сохранить свою самостоятельность и свои старые обряды. Митрополитъ Платонъ уже тогда высказался противъ удовлетворенія этой просьбы, считая это «камнемъ соблазна». Платонъ былъ собственно не противъ дозволенія старыхъ обрядовъ, а противъ указанной самостоятельности старообрядческой іерархіи. При Екатеринѣ дѣло старообрядцевъ не получило разрѣшенія. Но при Павлѣ они рѣшили усилить свои шаги и обратились съ своей просьбой къ самому императору, отъ 3-го іюня 1799 г. Государь удовлетворилъ эту просьбу, давъ находящемуся въ Петербургѣ ка-

¹⁾ Ibid., стр. 50—51.

занскому архіепископу Амвросію, другу Платона, право снабжать старообрядцевъ священниками, по ихъ просьбамъ. Это былъ первый реальный шагъ къ учрежденію у насъ единовѣрія. Впрочемъ, шагъ этотъ оказался неудаченъ, потому что у старообрядцевъ, видимо, вовсе не было желанія соединиться съ правосл. церковью, а было лишь желаніе получить іерархію, оставаясь вѣ въ дѣлѣ православної церковной власти. Поэтому, когда старообрядцы отказались поминать на богослуженіи царствующій домъ, и разрѣшеніе давать имъ священниковъ было взято назадъ и они оставлены на прежнемъ положеніи (24 авг. 1799 г.). Митрополитъ Платонъ былъ весьма недоволенъ первоначальнымъ дозволеніемъ Амросію давать священниковъ старообрядцамъ и съ радостью встрѣтилъ отмѣну указа ¹⁾. Затѣмъ, когда на повторную попытку старообрядцевъ самъ же Платонъ выработалъ, наконецъ, цѣлый планъ учрежденія единовѣрія на условіяхъ, какія находилъ пріемлемыми, планъ, получившій потомъ высочайшее утвержденіе, тѣмъ не менѣе частнымъ образомъ митрополитъ все-таки высказывался противъ дарованія раскольникамъ «церкви», хотя бы на имъ же предложенныхъ основаніяхъ. Представивши свою записку въ синодъ, онъ приватно пишетъ Амвросію: «О раскольникѣхъ дѣло, едва ли бы не лучше было, когда бъ имъ совсѣмъ въ просьбѣ отказано» ²⁾. «О раскольникахъ, просящихъ церкви, чтобъ имъ дать по моему представленію, я не предвижу, кромѣ нехорошихъ слѣдствій, а чтобъ дать оную тѣмъ, кои сами собою проискиваютъ, и того хуже» ³⁾. Это желаніе, чтобы не было исполнено даже и его представленіе, весьма характерно для Платона. Онъ разумомъ понималъ, что отталкивать раскольниковъ, стремящихся къ сближенію съ церковью, невозможно, что настаивать на исключительности новаго обряда несправедливо. Но опасеніе новшества въ отношеніяхъ, установившихся уже 1½ вѣка, такъ пугало его, что онъ готовъ былъ лучше все оставить по-прежнему, отказаться отъ самой надежды вернуть въ лоно церкви отдѣлившихся, лишь бы не колебать старыхъ традицій.

Мы видѣли выше, какъ радовался Платонъ, узнавъ, что въ

¹⁾ Письма къ Амвросію, стр. 41, 43, 47. Подробно отношеніе Платона къ этому дѣлу у Лысогорскаго, „Московскій м. Платонъ, какъ противораскольничій дѣятель“, 1905 г., стр. 318 и дал.

²⁾ Письма къ Амвросію, стр. 47.

³⁾ Ibid., стр. 52.

синодѣ у него будетъ хотя одинъ дружественный ему человѣкъ— Амвросій. Эта надежда подкрѣпляла его и во все царствованіе Павла. Силою обстоятельствъ удаленный самъ «отъ руля общихъ дѣлъ» митрополитъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что можетъ изливаться своему другу, сообщать ему свои мнѣнія и совѣты, съ правомъ надѣяться на ихъ примѣненіе и въ синодской дѣятельности Амвросія. Словомъ, у него завязалась болѣе крѣпкая связь съ правящими церковными кругами, вводившая его въ общіе интересы. И мы, дѣйствительно, замѣчаемъ, что со времени вызова Амвросія въ Петербургъ настроеніе Платона какъ будто улучшается: онъ начинаетъ больше интересоваться происходящимъ наверху, начинаетъ активнѣе высказываться по разнымъ вопросамъ, не только въ духѣ недовольнаго сановника въ отставку, а и въ духѣ дѣйствующаго церковнаго дѣятеля, рассчитывающаго на практическое примѣненіе своихъ соображеній. Первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ Амвросій не давалъ повода Платону разочароваться въ его надеждахъ. Онъ, видимо, спрашивалъ Платоновыхъ совѣтовъ, старался сдѣлать, что могъ, и поддерживалъ старыя дружескія отношенія. Московскій владыка искренне надѣялся, что Амвросій можетъ сдѣлать и нѣчто важное, можетъ оказать вліяніе на ходъ вещей. Къ нему онъ взывалъ съ просьбой употребить всѣ усилія для уничтоженія ненавистныхъ ему митръ для протоіереевъ, какъ «обычая, грозящаго ниспровергнуть богоучрежденный порядокъ» ¹⁾. На его возвышеніе (въ октябрѣ 1799 г. Амвросій пожалованъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, а въ мартѣ 1801 г., наканунѣ смерти Павла—митрополитомъ новгородскимъ) онъ смотрѣлъ какъ на зарю лучшаго будущаго для церкви Божіей, будущаго, плодами котораго суждено воспользоваться и ему—Платону ²⁾. Но Платонъ, очевидно, все еще плохо зналъ своего друга. Амвросій былъ не такой человѣкъ, который цѣлью своею ставилъ бы пользу церкви и готовъ былъ ратовать за нее при всякихъ обстоятельствахъ или даже вообще въ чемъ-нибудь идти противъ господствующаго теченія. Честный Гавріиль, на котораго едва-ли справедливо жаловался Платонъ, не угодилъ непостоянному и гнѣвливому императору и кончилъ жизнь въ суровой опалѣ; а Платоновъ другъ сумѣлъ пройти между Сциллою и Харибдой и все обратитъ

¹⁾ Письма, стр. 39.

²⁾ Ibid., стр. 53.

себѣ на пользу. Платонъ умолялъ избавить его отъ «кавалеріи» и съ гордостью подписывался и послѣ: «не кавалеръ, а христіанскій епископъ»¹⁾; Гавріиль съ нерѣшительностью встрѣтилъ пожалованіе, не зная, прилично-ли носить ордена епископу; а Амвросій поспѣшилъ надѣть свою звѣзду и съ лентой чрезъ плечо явиться во дворецъ показаться государю»²⁾. Эта тактика была отличительной чертою Амвросія и во всей его церковно-правительственной дѣятельности. Онъ старался угодить всякому желанію, даже намеку, государя, подлаживался къ придворнымъ отношеніямъ и былъ, дѣйствительно, одинъ изъ немногихъ, сохранившихъ до конца благоволеніе Павла, угодить которому было, какъ мы знаемъ, не легко. Милости, въ видѣ орденовъ и званій, сыпались на него и довели его до высшаго поста—митрополита новгородскаго и первенствующаго члена св. синода. Такому-ли человѣку было вести борьбу, безъ которой, по понятіямъ Платона, невозможно было вывести церковь изъ ея состоянія? Но умѣвшій со всѣми ладить Амвросій умѣлъ какъ-то и въ своемъ московскомъ другѣ поддерживать вѣру въ себя. Впрочемъ, то было, кажется, до перваго столкновенія.

12 марта 1801 г. безвременно скончался бывшій Платонъ другъ императоръ Павелъ. На престолъ возшелъ молодой идеалистъ, Александръ I, человѣкъ, на всѣхъ дѣйствовавшій обаятельно, привлекавшій сердца и взоры всей мыслящей Россіи. Огорчился Платонъ смертью бывшаго ученика, къ которому, не смотря ни на что, продолжалъ питать привязанность³⁾. Но общій порывъ надеждъ, возлагавшихся на новаго императора, захватилъ и его; и онъ думалъ, что новое правленіе дастъ спокойствіе и благоденствіе⁴⁾. Отчасти Платонъ былъ правъ. Тотъ тягостный церковно-правительственный режимъ, какой господствовалъ при Екатеринѣ и Павлѣ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ облегчиться при новомъ государѣ. Александръ былъ не изъ тѣхъ монарховъ, которые считали себя «главою греческой церкви» и давали это чувствовать на каждомъ шагѣ. Его взгляды не позволили бы ему грубаго давленія на церковныхъ представителей, а его молодость и природная мягкость окончательно исключали подобную возможность. Но Платонъ ошибался, поскольку думалъ,

1) Ibid., стр. 38.

2) „Рус. Вѣстн.“, 1868 г., т. 77, стр. 459.

3) Автобіографія, стр. 247.

4) Письма къ Амвросію, стр. 54.

что ходъ церковныхъ дѣлъ приметъ направленіе, болѣе соотвѣтствующее его взглядамъ. Съ самаго начала царствованія Александра начались реформы во всѣхъ областяхъ, въ томъ числѣ и церковной. По оживленію церковно-правительственной дѣятельности это былъ одинъ изъ рѣдкихъ историческихъ моментовъ. Но духъ времени былъ совсѣмъ не тотъ, какого бы желалъ Платонъ. Новыя вѣянія шли отъ тѣхъ либеральныхъ традицій, какими заявило себя еще екатерининское царствованіе въ его началѣ. Правда, тогда и молодой Платонъ поражалъ придворныхъ своими «свободными» сужденіями; но то время давно миновало. Теперь когда-то «либеральный», по понятіямъ вѣка, иннокъ выросъ въ мощную фигуру іерарха, проникнутаго старыми іерархическими традиціями, подозрительнаго ко всякой новизнѣ и со свойственнымъ старцамъ консерватизмомъ отстаивающаго многіе установившіеся порядки, хотя бы и нуждавшіеся въ измѣненіи. Уже при Екатеринѣ Платонъ отсталъ отъ движенія вѣка, оказался не въ состояніи къ нему приспособиться и потому долженъ былъ удалиться отъ «руля общихъ дѣлъ». Тѣмъ менѣе подходилъ онъ къ требованіямъ новаго царствованія, предъявляемымъ къ церковнымъ дѣятелямъ. Жизнь ушла далеко впередъ и оставила позади Платона въ его виѳанскомъ уединеніи. Время его прошло, и не только ему, лично, не суждено было стать снова у кормила церкви, но не суждено было видѣть и торжества своихъ идей.

Императоръ Александръ относился къ Платону съ уваженіемъ, какое причисляетъ престарѣлому іерарху. Да онъ счелъ бы, навѣрно, и невозможнымъ для себя иное отношеніе къ человѣку, къ которому, по его личному признанію Платону, «публика имѣла слѣбое уваженіе» ¹⁾. Онъ никогда не позволялъ себѣ обидѣть чѣмъ-либо старца-митрополита. О неравностяхъ монаршаго благоволенія, столь больно испытываемыхъ Платономъ при Екатеринѣ и Павлѣ, теперь не было и рѣчи. При коронованіи государя въ Москвѣ Платонъ опасался было, что его снова поставятъ въ унижительное положеніе, какъ бывало раньше. Его сильно смущалъ вопросъ, кто будетъ первенствовать въ церемоніи—онъ или новопожалованный митрополитъ новгородскій и первенствующій членъ синода Амвросій. Послѣднее казалось Платону весьма обиднымъ, по-

¹⁾ Снегиревъ, II, стр. 30.

тому что Амвросій былъ его ученикъ, бывшій викарій; но съ другой стороны, по своему новому положенію онъ считался выше московскаго митрополита. Однако, вопросъ разрѣшился въ пользу Платона. Государь нашель неудобнымъ поставить ученика выше учителя; за Платона, по слухамъ, ходатайствовала и императрица-мать, бывшая Платонова ученица ¹⁾. Послѣ коронаціи, императоръ оказывалъ Платону вниманіе приглашеніемъ къ столу и бесѣдами ²⁾. И въ дальнѣйшемъ Александръ не измѣнялъ своего отношенія къ святителю ³⁾. Между прочимъ онъ въ 1809 г., по просьбѣ Платона, возвратилъ въ его вѣдѣніе двѣ придворныя церкви, чего раньше митрополитъ напрасно добивался ⁴⁾. Но при всемъ уваженіи къ маститому іерарху Александръ не пробовалъ призывать его къ церковно-правительственной дѣятельности и дѣлать участникомъ замышляемыхъ церковныхъ преобразованій. Онъ очевидно сознавалъ, что для послѣднихъ нужны новые люди и престарѣлый, хотя бы и «великій», Платонъ не годится для этой роли.

Что же касается новыхъ людей, ставшихъ теперь у кормила церковной власти, то они съ своей стороны были мало расположены не только призывать московскаго митрополита къ участию въ своей дѣятельности, но и вообще прислушиваться къ его мнѣніямъ. Отношенія съ синодомъ у Платона не измѣнились и въ царствованіе Александра, хотя, казалось бы, именно теперь-то онѣ и должны были наладиться. Во главѣ синода стоялъ другъ Платоновъ—Амвросій, съ которымъ московскій владыка велъ дружескую переписку. Однако, какъ мы видѣли, Платонъ не совсѣмъ зналъ своего друга. Случай скоро доказалъ это. Инцидентъ съ мѣстами на коронаціонной церемоніи сразу же омрачилъ ихъ отношенія. Амвросій, видимо, полагалъ, что первенство по праву принадлежитъ ему и преимуществу, отданное его учителю, оскорбило его самолюбіе. Быть можетъ подъ вліяніемъ этого инцидента, а быть можетъ и вообще по своимъ отношеніямъ къ Платону, синодальные члены, возглавляемые Амвросіемъ, во время бытности синода въ Москвѣ для коронаціи, обошлись съ митрополитомъ мос-

¹⁾ Автобіографія, стр. 248—249.

²⁾ Снегиревъ, II, стр. 30.

³⁾ Когда въ 1804 г. Платонъ просилъ дозволенія посѣтить Кіевъ, то получилъ самый благосклонный отвѣтъ, совсѣмъ не такой, какъ отъ Екатерины (Чт. о. и. и др. 1875 г., кн. 4, стр. 177—178).

⁴⁾ Автобіографія, стр. 255.

ковскимъ очень нетактично. Это были большею частью Платоновы ученики, младшее поколѣніе іерарховъ, выросшее на его глазахъ и пользовавшееся въ свое время его услугами. Но теперь они «обошлись съ нимъ холодно и отвратительно, съ нѣкоторымъ лишнимъ о себѣ мечтаніемъ: и не только въ собраніе синода его не пригласили, хотя онъ былъ старшій синода членъ, чего подлинно и самъ онъ не искалъ и не желалъ,—однако сей учтивости отъ нихъ ожидалъ; но и во всемъ совѣтахъ своими съ нимъ не сообщались, и такъ уѣхали» ¹⁾). Сильно, должно быть, огорченъ былъ Платонъ такимъ оскорбительнымъ невниманіемъ, а, главное,—измѣною дружбы. И съ горечью писалъ онъ послѣ Амвросію: «Подлинно я желалъ и надѣялся, даже уповалъ, что наше свиданіе будетъ лучше, нежели было; думалъ (но, ахъ! обманулся), что я, какъ занимавшійся многими дѣлами и много испытавшій, къ чему-нибудь гожуся; но не знаю, что на сіе сказать, какъ съ вами же повторить, что сіе случилось, Богу попускающу, а врагу дѣйствующу. Говорятъ, что я гордъ и упрямъ. Ежели сіе правда..., то желаю и молю Бога, да смиритъ меня, да будетъ благо мнѣ, и да умягчитъ... Впрочемъ, пощадите мою старость и помогите мнѣ умереть въ мирѣ съ Богомъ и чело-вѣки» ²⁾). Съ этого несчастнаго инцидента въ дружбѣ двухъ іерарховъ появилась замѣтная трещина, поведшая дальше къ еще большому отчужденію, почти ссорѣ, нуждавшейся въ примиреніи ³⁾). Впрочемъ, ихъ переписка продолжалась до конца Платоновой жизни, и только тонъ ея давалъ понять, что отношенія измѣнились... При такихъ условіяхъ и съ синодомъ у Платона продолжали возникать недоразумѣнія и взаимное недоброжелательство. Платонъ жаловался, что въ синодѣ относятся невнимательно къ его представленіямъ ⁴⁾, считалъ синодальныхъ членовъ заранѣе предубѣжденными противъ себя и всего, что отъ него исходитъ ⁵⁾, и предпочиталъ лучше, чтобы дѣло, напримѣръ, объ его «Исторіи церкви» миновало синодъ, отъ котораго онъ не ждалъ хорошаго ⁶⁾. «Вотъ до чего дожили! Нужно

¹⁾ Автобіографія, стр. 249.

²⁾ Письма, стр. 56.

³⁾ Письма къ Амвросію и Августину, стр. 117—118. Письмо къ Августину.

⁴⁾ Ibid., письма къ Амвросію, стр. 62.

⁵⁾ Ibid., письма къ Августину, стр. 119.

⁶⁾ Ibid., письма къ Августину, стр. 115.

терпѣть и всего ожидать только отъ Бога», — вздыхалъ Платонъ, признаваясь Августину въ этихъ своихъ синодскихъ отношеніяхъ ¹⁾.

Такъ, и въ правленіе «благословеннаго» императора, одиночество осталось удѣломъ московскаго митрополита. Церковно-правительственная дѣятельность шла помимо его, не считаясь съ нимъ, и ему оставалось лишь по прежнему критиковать положеніе вещей и большею частью порицать его. Для взора Платонова дѣйствительность представляла, въ самомъ дѣлѣ, мало отраднаго. Разные слухи рождали безпокойство. Такъ, въ самомъ началѣ царствованія Александра молва заговорила, будто отъ церковныхъ учрежденій будутъ отобраны въ казну и угодыя, оставленные при Екатеринѣ, а вмѣсто того будутъ выданы деньги. «Сохрани Богъ! — говорилъ по этому поводу Платонъ. Весьма будетъ разстройно и намъ обидно» ²⁾). Но, помимо слуховъ, и факты были такого рода что московскому владыкѣ приходилось еще усилить свои старыя жалобы. Главное, что вызывало недовольство Платона, это, какъ мы знаемъ, вліяніе свѣтскихъ въ церковномъ управленіи, государственное вмѣшательство въ церковныя дѣла, осуществляемое посредствомъ оберъ-прокуратуры, все болѣе забиравшей въ свои руки функціи управления. Положеніе дѣлъ въ царствованіе Александра въ данномъ случаѣ сложилось еще хуже, чѣмъ было до сихъ поръ. 31-го декабря 1802 г. оберъ-прокуроромъ синода былъ назначенъ стат. сов. Яковлевъ, человѣкъ энергичный и властолюбивый, весьма высоко понимавшій свою власть. Онъ тотчасъ же наложилъ свою тяжелую руку на синодъ и изъявилъ намѣреніе распоряжаться синодскими дѣлами. Въ концѣ концовъ Яковлевъ сдѣлался ненавистенъ для синодальныхъ членовъ. Недовольство Яковлевымъ вполне раздѣлялъ и митр. московскій, хотя непосредственно съ нимъ и не соприкасался. Но у Яковлева былъ широкій планъ — подчинить своему ближайшему контролю и епархіальное управленіе черезъ консисторскихъ секретарей. Первымъ желаніемъ его въ этомъ направленіи было обезпечить секретарямъ возможно большую независимость отъ архіереевъ, съ подчиненіемъ, ихъ оберъ-прокурору. Поэтому, когда 4-го февраля 1803 г. вышелъ высоч. указъ, узаконившій самостоятельное опредѣленіе секретарей всѣми присут-

¹⁾ Письма, стр. 119.

²⁾ Письма, стр. 55.

ственными мѣстами, то Яковлевъ исхлопоталъ особое высочайшее повелѣніе, что упомянутый указъ не распространяется на духовныя консисторіи и консисторскихъ секретарей. Платонъ излилъ свое недовольство этой оберъ-прокурорской мѣрой въ письмѣ Амвросію: «Мы было по указу надѣялись,—писалъ онъ,—что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ; но теперь вышелъ указъ другой, для насъ исключительный, да и по докладу оберъ-прокурора: о чемъ, ежели и слѣдовало, то докладывать св. синоду. Но быть тому такъ; сіе не новое, а старое—терпѣть предъ свѣтскими униженіе» ¹⁾. Но Яковлевъ мало того, что старался сдѣлать секретарей независимыми отъ епископовъ, хотѣлъ еще учредить даже въ консисторіяхъ особыхъ прокуроровъ, по примѣру синодальнаго, подчиненныхъ всецѣло оберъ-прокурору. Всѣ эти замыслы подчинить себѣ епархіальное управленіе сильно не нравились іерархіи, усматривавшей тутъ подкопъ подъ свой авторитетъ. И въ данномъ отношеніи Платонъ вполне сходилъ съ другими; но и синодальные члены не могли ничего подѣлать, потому что оберъ-прокуроръ опирался на высшую инстанцію. «Бывъ я въ синодѣ не малое время,—все по тому же вопросу писалъ Платонъ Амвросію,—видѣлъ таковыя искушенія: и сіе-то меня убѣдило оттуда удалиться.. Къ чему туда сажаютъ насъ... Видно, что едва ли не находятъ одного утѣшенія въ терпѣніи. Сей нашъ характеръ,—сія кавалерія, крестъ. Противная сторона имѣетъ всю подмогу отъ міра и ни на кого не можно положиться, какъ токмо на единаго Верховнаго Помазателя, который все устрояетъ по судьбамъ невѣдомымъ, однако намъ во благое, ежели токмо въ самихъ себѣ исправимся и къ нему единому обратимся... Примѣтно очень, что желается, подчинивъ во всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторію и правленіе все... Вся его (оберъ-прокурора) сила не отъ него; но что свыше, то за него, а не за насъ» ²⁾. «Жалко наше положеніе!—писалъ въ другомъ письмѣ Платонъ по поводу общаго режима.—Мы на землѣ бесполезное бремя: а они будто полезное, нѣтъ! Даже вредное бремя. Таково новое французское ученіе, которое давно уже заразило и испортило нашихъ. Это зло такъ усиливается, что развѣ одинъ Богъ можетъ отвратить оное. Вы однако сопротивляй-

¹⁾ Письма, стр. 61.

²⁾ Ibid., стр. 62—63.

тось злу; просите помощи у Бога, чтобъ не попустилъ своей церкви погибнуть отъ враговъ ея» ¹⁾).

Но Платонъ все-таки полагаль, что положеніе вещей въ извѣстной степени зависитъ и отъ самой іерархіи. Онъ видѣлъ среди послѣдней раздѣленіе и совѣтоваль всѣмъ сплотиться противъ общаго врага. «Вотъ мое пророчество!—заканчиваль онъ вышеприведенное письмо къ Амвросію (отъ 23 сентября 1803 г.). Если вы будете единокорны, никто съ вами не сладитъ. А если между вами самими будетъ разногласіе и раздѣленіе, враги легко одержать побѣду» ²⁾). Синодскіе члены, дѣйствительно, сплотились, наконецъ, противъ Яковлева и послѣдній долженъ былъ оставить оберъ-прокурорскій постъ. Преемникомъ его, указомъ 21 окт. 1803 г., былъ назначенъ близкій къ государю человекъ, кн. А. Н. Голицынъ. «Слава Богу!—говорилъ Платонъ, узнавъ объ отставкѣ Яковлева. — Толико сія слава еще будетъ радостнѣе, когда на его мѣсто будетъ другого свойства» ³⁾). Получивъ на этотъ счетъ, видимо, хорошія вѣсти, Платонъ привѣтствовалъ Амвросія: «Я съ удовольствіемъ поздравляю васъ, что вамъ опредѣленъ хорошій оберъ-прокуроръ и успокоилъ васъ противу прежняго... Ваше постоянное дѣйствованіе къ сверженію человекъ, который напнтанъ былъ новыми началами, заслуживаетъ всякой похвалы и я пламенно молю Бога, чтобъ вы всегда оставались съ направленіемъ, достойнымъ христіанскаго епископа» ⁴⁾). Но и Амвросій и Платонъ ошиблись. Новый оберъ-прокуроръ, правда, былъ иного характера, чѣмъ прежній: онъ не допускалъ себѣ грубости, открытаго давленія на церковную власть. Однако, онъ отнюдь не склоненъ былъ и поступаться оберъ-прокурорскими правами, а главное, былъ преисполненъ «новаго духа» и одушевленъ реформаторскими замыслами въ этомъ духѣ. При этомъ съ нимъ считаться приходилось больше, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ оберъ-прокуроромъ, такъ какъ онъ былъ другомъ императора и найти противъ него поддержку было уже негдѣ. Опасности для церкви, въ сущности, теперь даже возросли. Раньше опасность грозила больше внѣшнему порядку, авторитету епископа. При Голицынѣ начались теченія, затрагивающія и самыя жизненные церковныя интересы. Въ высшихъ сферахъ

¹⁾ Ibid., стр. 64.

²⁾ Ibid., стр. 64.

³⁾ Ibid., стр. 65.

⁴⁾ Ibid., стр. 66.

начали завладѣвать вниманіемъ іезуиты, сумѣвшіе снискать себѣ расположеніе и оберъ-прокурора. Самъ оберъ-прокуроръ былъ невѣрующій человекъ, съ теченіемъ времени склонившійся къ мистицизму. При такихъ условіяхъ, московскому владыкѣ скоро же пришлось еще больше тревожиться, еще больше сѣтовать на положеніе церкви. Тревога начинается въ Платоновыхъ письмахъ уже въ началѣ 1804 г. «Дай Христе Боже,—писалъ онъ Амвросію 3-го января,—да зиждется церковь Твоя, предохраняема отъ невѣрія и суевѣрія и отъ латинянь» ¹⁾. «Молитесь о влающемся церкви кораблѣ очень и очень должны,—писалъ онъ немного позже.—Усилились: 1) невѣріе, 2) философія, маскою христіанства прикрытая, 3) папизмъ. Я читалъ въ иностранныхъ газетахъ, что іезуиты добились того, чтобъ и въ Петербургѣ и во многихъ нашихъ областяхъ утвердить свое пребываніе. Что хорошаго? Подлинно величайшее зло. Ибо кому неизвѣстно, какая язва для церкви Христовой папизмъ, и до какой степени лукавы и злобны его орудія—іезуиты... Боже, буди милостивъ! Возложивъ прежде всего упованіе на Бога, мы только отъ него можемъ ожидать лучшаго; потому что усилился индифферентизмъ, который слишкомъ мало цѣнитъ религію, какова бы она ни была... Бодрствуйте, братіе! и усиленно заботьтесь о храненіи церкви» ²⁾. Къ іезуитской опасности Платонъ возвращается снова въ письмѣ Амвросію отъ 11 апр. 1804 г. «Справедливо,—пишетъ онъ,—что новая философія опасна для религіи. Но эти философы не такъ лукавы, какъ іезуиты, которые изъ всѣхъ двуногихъ самые негодные и самые коварные, и не уснутъ, пока не сдѣлаютъ зла. Дивлюсь, что такого рода монахамъ позволили жить, и при томъ нескротно, въ нашей имперіи, даже въ Петербургѣ, когда нашихъ монаховъ не терпятъ. Особенно надобно поставить въ обязанность священнику, который въ ихъ институтѣ обучаетъ нашей религіи, чтобъ они не проводили въ наше юношество чего-нибудь папистическаго, особенно о власти народа. Нужно, думаю, приложить всякое стараніе, чтобъ уніаты были подъ вѣдѣніемъ синода, и чтобъ ихъ вырвать изъ подъ власти папистовъ. Иначе изъ всѣхъ этихъ уніатовъ со временемъ выйдутъ паписты» ³⁾. Происки іезуитовъ дошли до того, что въ 1807 г. стали распространяться слухи, будто готовится соединеніе церквей... «Слухъ но-

¹⁾ Ibid., стр. 68.

²⁾ Ibid., стр. 69-70.

³⁾ Ibid., стр. 71.

сится, — читаемъ въ письмѣ Платона къ Амвросію отъ 19 ноября 1807 г., — что якобы идетъ дѣло о соединеніи нашей церкви съ папскою, бывшею прежде христіанскою» ¹⁾). Платонъ въ данномъ случаѣ не высказываетъ своихъ чувствъ по поводу этого слуха. Но можно представить, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на него.

Положеніе вещей способно было рождать самыя невѣроятныя опасенія. Въ 1808 г. Платонъ хлопоталъ объ увольненіи отъ сборовъ монастырскихъ подворій. Вопросъ разрѣшился благопріятно, но въ указѣ было сказано: «до дальнѣйшаго впредь распоряженія». Платонъ встревожился: что это значить? «Слова: до дальнѣйшаго впредь распоряженія, — писалъ онъ Августину, — я догадкою беру въ другомъ смыслѣ, т. е. нѣтъ ли по Бонапартеву примѣру чего въ думѣ о перенятіи монастырей, et caetera.» (тутъ подразумѣвается требованіе Бонапарта отъ папы уничтожить монашескіе ордена) ²⁾). Судьба монастырей и раньше беспокоила Платона. Въ высшихъ сферахъ былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи монашества и неизвѣстно было, въ какія формы оно выльется. Митрополитъ, впрочемъ, самъ находилъ преобразование необходимымъ. Во время путешествія въ Кіевъ на богомоліе въ 1804 г. онъ сообщалъ Амвросію о своихъ впечатлѣніяхъ: «Монастыри, кои видѣлъ, монашествующими очень скудны и ими не устроены; а строенія въ нихъ вездѣ много и нехудого. Ежели не придумаеете способа, какъ монастыри въ лучшій порядокъ провести, то трудно будетъ ихъ обстаивать» ³⁾). Возвратившись въ Москву, Платонъ возвращался къ той же монастырской реформѣ. «О преобразованіи монаховъ, — читаемъ въ письмѣ Амвросію отъ 28 ноября 1804 г., — не смѣю подать своего мнѣнія; ибо знаю, что оно будетъ мало имѣть значенія и будетъ недѣйствительно. Дѣйствуйте согласно съ вашимъ благоразуміемъ и авторитетомъ» ⁴⁾). Но такъ какъ монастыри остались въ прежнемъ состояніи, то, можетъ быть, это и давало пищу Платоновымъ опасеніямъ, какъ бы съ монастырями не поступили «по Бонапартеву примѣру».

Въ системѣ церковнаго управленія старыя порядки не измѣнились и при Голицынѣ. Поэтому Платону постоянно представлялись случаи по прежнему жаловаться на нихъ. Вліяніе

¹⁾ Письма къ Амвросію и Августину, стр. 126.

²⁾ Ibid., стр. 129.

³⁾ Ibid., письма къ Амвросію, стр. 74.

⁴⁾ Ibid., стр. 79.

свѣтскихъ на дѣла продолжало раздражать митрополита. Когда «Церковную исторію» Платона потребовали на свѣтскую цензуру, то раздраженный Платонъ писалъ Августину: «Еще прокуроръ требуетъ перваго листа. На что ему? Что онъ за цензоръ мой? Пожалуйте, до сего не допускайте:... вотъ каковы прокуроры! Сіе-то меня выжило изъ конторы и синода, и въ духовныхъ дѣлахъ мы пастыри, но не мы дѣлаемъ, а свѣтскіе» ¹⁾. «Свѣтскіе сильнѣе насъ»,—жалуется тому же Августину Платонъ другой разъ ²⁾. Каждое проявленіе свѣтскаго контроля вызывало у митрополита жалобы на ту же тему. Заведенное оберъ-прокуроромъ требованіе вѣдомостей о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ изъ епархіальныхъ управленій вызвало, напримѣръ, у Платона такія строки: «Вотъ прокуроръ требуетъ вѣдомостей о дѣлахъ; прежде было мы устояли: а теперь все надъ нами властительствуетъ» ³⁾. «Синодъ остается почти пустымъ именемъ»,—сознавался владыка своему викарію ⁴⁾. «Все клонится къ уменьшенію власти епископовъ»; «да и чрезъ самихъ же епископовъ», прибавлялъ Платонъ, разумѣя послушную угодливость хотя бы собственнаго своего бывшаго друга—Амвросія ⁵⁾. Услышавъ о готовящейся реформѣ консисторій въ духѣ проекта Яковлева, московскій владыка пришелъ прямо въ полное отчаяніе. «Изъ Петербурга пишутъ,—сообщалъ онъ Августину въ письмѣ отъ 3-го января 1809 г., чтобъ я ждалъ бѣды. Какая еще бѣда угрожаетъ? Говорятъ о реформѣ консисторій и о посаженіи прокуроровъ. Это будетъ довершеніемъ золь. Намъ будетъ нечего дѣлать, или во всегдашней быть ссорѣ и безпокойствѣ. Кажется, приближаются послѣднія времена; смотри, братъ, до чего мы дожили» ⁶⁾. Августинъ теперь замѣнилъ для Платона Амвросія: послѣдному уже московскій митрополитъ не рѣшался писать въ такомъ духѣ, потому что укору, если не прямо, то косвенно, задѣвали, конечно, и первенствующаго члена синода.

Въ своемъ общемъ неудовольствіи новыми вѣяніями, въ недовѣрїи къ новымъ дѣятелямъ Платонъ скептически относился и къ лучшимъ начинаніямъ того времени. Таково было его отношеніе къ извѣстной духовно-учебной реформѣ александровскаго царствованія, положившей начало новому духов-

¹⁾ Письма къ Амвросію и Августину, стр. 103.

²⁾ Ibid., стр. 120.

³⁾ Ibid., стр. 120.

⁴⁾ Ibid., стр. 131.

⁵⁾ Ibid., стр. 130.

⁶⁾ Ibid., стр. 131.

ному образованію. Съ своей стороны Платонъ признавалъ необходимымъ измѣненіе матеріальнаго положенія духовно-учебныхъ заведеній, потому что скудные оклады, въ нихъ существовавшіе, явно не давали возможности поставить дѣло какъ слѣдуетъ. Поэтому онъ очень радовался, когда первоначально вопросъ ставился только на матеріальную почву. «Дай Богъ,— писалъ онъ Амвросію въ декабрѣ 1804 г.,—чтобъ на училища прибавка къ содержанію была. Сіе нѣсколько ободритъ. Но много, паче прежнихъ временъ, охотниковъ изъ студентовъ выходить отъ насъ. Мірскія лучшія и скорыя выгоды льстятъ ихъ. Преосвященный вятскій пишетъ, что у него на Вяткѣ губернаторомъ тотъ, который съ нимъ въ академіи московской учился и курсомъ былъ ниже, поповъ сынъ. Не лестно ли это для другихъ? Въ деревенскихъ школахъ учителю семинаристу 200 р. жалованья, да чинъ офицерскій. Попъ тутъ, гдѣ онъ будетъ, былъ, можетъ быть, въ семинаріи лучше его. Но онъ едва ли на попа смотрѣть будетъ»¹⁾. Но помыслы Платона о реформѣ не шли дальше улучшенія матеріальной стороны. Реформу въ собственномъ смыслѣ онъ считалъ ненужной и нежелательной, и какъ только рѣчь зашла о ней, онъ всталъ къ ней въ отрицательное отношеніе. Получивъ предварительный планъ преобразованія, составленный Евгеніемъ Болховитиновымъ, митрополитъ поспѣшилъ сообщить своему петербургскому собрату свое впечатлѣніе. «Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ. Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно, когда столько пользы не только духовенству, но и свѣтскимъ училищамъ доставлено. Дай Богъ, чтобъ столько отъ свѣтскихъ училищъ, по новому просвѣщенію, происходитъ могло! А потому я и остаюсь при томъ мнѣніи, какое прежде я вашему преосвященству сообщилъ. Можетъ быть и я, яко человекъ, ошибаюсь... Только при семъ скажу: 1) гдѣ взять столько ученыхъ людей? И нынѣ мы бьемся съ учителями: не всегда-то лучшихъ найти можемъ. Въ монахи охотниковъ мало; а бѣльцы, поучивъ годъ или два, просятъ вонъ, или въ духовное, или въ свѣтское состояніе; а чрезъ то академіи порядокъ не можетъ соблюденъ быть; легче вообразить и написать, нежели исполнить; 2) студентовъ по толикомъ ихъ

¹⁾ Письма, стр. 79.

обученіи куда дѣвать? Мало весьма охотниковъ въ села: не хотять быть на пашнѣ или на ругѣ недостаточной, но и въ той, да и во всемъ почти, зависѣть отъ власти, по большей части, помѣщиковъ, на коихъ непрестанныя выходятъ жалобы, а управы сыскать трудно!» (письмо отъ 26 марта 1805 г.)¹⁾. «Объ училищахъ я того же мнѣнія прежняго,—настаиваль Платонъ въ другомъ письмѣ (отъ 18 апр. 1805 г.). Да и нѣкоторые наши братья епископы тоже ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? Пусть они отъ насъ учатся. Объ училищахъ должно рассуждать не по учрежденіямъ, но по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ,—то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть? Мы старики; да въ семь дѣлѣ, кажется, и довольно опытные... А ежели новый методъ введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успѣха; а затрудненія и запутанности больше будетъ. Прибавка жалованья не отъ учрежденія зависитъ; но отъ недостатка содержанія. Теперь, на примѣръ, у меня 150 человекъ на содержаніи, и то на хлѣбѣ, щажъ и кашѣ; а столько же и бѣдныхъ на своемъ коштѣ. Учителя получаютъ 100, 150 и 200 р., а префектъ 250 р. А свѣтскіе получаютъ по 300, 400, 500 и болѣе. Вотъ истинная причина къ прибавкѣ»²⁾. Когда совѣтамъ Платона все-таки не вняли, и дѣлу о реформѣ былъ данъ ходъ учрежденіемъ комитета о усовершеніи духовн. училищъ, то митрополитъ московскій не оставлялъ своей точки зрѣнія. «Чтобъ комитетъ учредилъ лучшее, помощи Господи!—писалъ онъ Амвросію отъ 7 янв. 1808 г.—Желательно однако, чтобъ науки въ училищахъ нашихъ остались по прежнему; совершенное не для чего усовершенствовать; сіе опыты доказали; да и ваша объ училищахъ нашихъ исторія тоже гласить. Пусть свѣтскіе у насъ перенимаютъ, а не мы у нихъ; вся сила въ учителяхъ способныхъ, въ коихъ есть недостатокъ. Для сего надобно разрѣшить постриженіе желающихъ ученыхъ постричься: ибо бѣльцы не надежны. Годъ или много два побудутъ, и просятся вонъ; они въ надеждѣ лучшаго мѣста только въ учителя желаютъ. И учать нерадиво, и порядокъ ученія разстраиваютъ. А монашествующіе надежнѣе»³⁾. Когда же комитетъ 1808 г. поставилъ дѣло реформы на широкую ногу, выйдя далеко изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, какія ставилъ преобразованію Платонъ, то послѣдній отнесся рѣзко отрица-

¹⁾ Ibid., стр. 81.

²⁾ Ibid., стр. 83.

³⁾ Ibid., стр. 85.

тельно къ комитетскому проекту. Только теперь онъ не рѣшался высказать это Амвросію—участнику реформы, а изливалъ свои мысли своему викарію Августину, съ которымъ ему нечего было стѣсняться. «Говорять: — писалъ Платонъ Августину 23 марта 1808 г.,—что нашъ комитетъ о нашихъ училищахъ, вновь преобразуемыхъ, что-то кончилъ. Голова калужская (Феофилактъ Русановъ) тутъ накружить» ¹⁾). Узнавъ суть проекта, Платонъ говорилъ: «О новой формѣ нашихъ семинарій... только прибавлю: да благословить душа наша, во еже не быти сему» ²⁾). «Видно дѣло идетъ ко уничтоженію нашихъ семинарій» ³⁾), жаловался владыка, когда его пожеланіе не исполнилось и проектъ получилъ утвержденіе. Первые шаги реформы и дѣйствія преобразователей встрѣтили скептическую насмѣшку у Платона. «Моисей Пензенскій,—писалъ онъ Августину въ январѣ 1809 г.,—и Ирinarхъ, бывшій богоявленскій архимандритъ, бывшій приходскій попъ, сдѣланы въ новой академіи математики профессорами; вы знаете обоихъ, каковы они! При такомъ зрѣлицѣ, друзья, удержите смѣхъ вашъ, или лучше слезы. Что дѣлается, и понять не можно; а все что-то странно,—потерпимъ, что-то выйдетъ» ⁴⁾).

Такъ недружелюбно отнесся престарѣлый Платонъ къ едва ли не лучшему дѣлу Александровскаго царствованія въ церковной области. Чѣмъ вызвано было такое отношеніе? Вѣдь тѣ замѣчанія, какія дѣлалъ митрополитъ, были, очевидно, неубѣдительны. Они или затрагивали частности, или покоились на бездоказательномъ консерватизмѣ, привязанности къ старому, не желавшей и разобраться серьезно въ качествахъ новаго. Что не только матеріальная, а и учебная и административная стороны духовно-школьнаго дѣла нуждались въ преобразованіи, это доказываетъ состояніе духовныхъ школъ предъ реформой 1808 г. Но Платонъ какъ будто не замѣчалъ этого. Между тѣмъ, не самъ ли онъ въ свое время, въ началѣ Екатерининскаго царствованія, участвовалъ въ созданіи школьнаго проекта, во многомъ напоминающаго планъ комитета 1808 г.? Очевидно, старый Платонъ забылъ образъ мыслей Платона въ молодости. Быть можетъ, продолжительное удаленіе отъ церковно-правительственной дѣятельности, долгое вынужденное бездѣйствіе и созданное этимъ оппозиціонное отношеніе къ мѣропріятіямъ

¹⁾ Ibid., къ Августину, стр. 129. ²⁾ Ibid., стр. 130.

³⁾ Ibid., стр. 131. ⁴⁾ Ibid., стр. 132.

«новыхъ» людей заставляли митрополита съ предубѣжденіемъ смотрѣть и на новое школьное преобразованіе. Быть можетъ, это былъ просто старческій консерватизмъ. Но во всякомъ случаѣ Платонъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ александровскаго времени.

Въ такомъ то настроеніи кончалъ маститый іерархъ свою жизнь, столь блестящую на восходѣ и столь сумрачную на закатѣ. Вопль общаго отчаянія: «кажется, приближаются послѣднія времена» — былъ заключительнымъ аккордомъ мысли и чувства святителя въ его отношеніи къ современной церковной дѣйствительности. Въ самые послѣдніе годы жизни владыка московскій, при ослабленіи силъ, не могъ уже такъ живо реагировать на событія, какъ мы видѣли по цитированной перепискѣ. Но, несомнѣнно, настроеніе его не измѣнилось до самой кончины, послѣдовавшей 11 ноября 1812 г.

Спрашивается, почему такъ странно сложилась судьба этого выдающагося человѣка, не даромъ прозваннаго «великимъ»? Ужели уже дѣйствительность была такъ безотраднa, что Платону въ ней не было мѣста? Но вѣдь онъ пережилъ на служебномъ поприщѣ три царствованія, весьма между собою различныя, въ томъ числѣ царствованія великой Екатерины и не менѣе великаго ея внука. Трудно думать, чтобы всегда условія были такъ неблагоприятны, что не представлялось возможнымъ плодотворно работать на поприщѣ церковно-правительственной дѣятельности. Скорѣе надобно полагать, что объясненіе странно сложившейся Платоновой судьбы скрывается въ значительной степени въ его индивидуальномъ складѣ. Характеръ Платона, повторяемъ, былъ не изъ тѣхъ, какіе нужны для церковныхъ политиковъ, неизбѣжно принужденныхъ, стоя у кормила власти, считаться съ многообразными обстоятельствами. Для большей выпуклости Платоновой характеристики, приведемъ, на примѣръ, такія ея строки изъ той-же автобіографіи. «Свойства его отличительныя были прямодушіе и искренность. Почти все то было у него на языкѣ, что на сердцѣ: а потому былъ свободенъ въ словахъ и не скрывалъ другихъ пороки, или страсти... Изъ сего же источника выходило, что онъ тайну хранить съ трудностью могъ. Все то нѣкоторые толковали, что происходитъ отъ гордости; хотя, въ самомъ дѣлѣ, тому причиною была не гордость, но прямодушіе, и что онъ не могъ чтонибудь скрывать въ себѣ. А прямой гордости въ немъ не было... Но нѣсколько гордъ былъ про

тивъ гордыхъ. Для него несносны были тѣ, въ коихъ онъ примѣчалъ, что они сами собою надменны: и потому онъ обыкновенно обходился съ ними хладнопрезорливо, думая тѣмъ ихъ унижить и усмирить. А какъ изъ таковыхъ или неуважаемыхъ нѣкоторые счастіемъ были возводимы на такія степени, что въ руки попадались имъ отличные случаи и довѣренности; а онъ при всемъ томъ своего къ нимъ неуваженія не скрывалъ, за то они ему довольно мстили, не оставляя никакого случая ко оскорбленію его, или, какъ они говорили, къ униженію его гордости; ежели на комъ, то на немъ сбылась сія пословица: и не вскормя и не вспоя, ворога не увидишь... Можно было назвать его честолюбивымъ, что онъ все къ тому относилъ, дабы себя отъ другихъ отличить и заслужить уваженіе и не было для него оскорбительнѣе и несноснѣе, какъ слышать, ежели кто объ немъ худого былъ мнѣнія, да отзывался-бъ объ немъ съ униженіемъ, особливо въ дѣлѣ несправедливомъ. Его было въ сихъ случаяхъ то свойство, что онъ или презиралъ такого рода людей, или, ежели къ тому удобность была, старался ихъ унижать... Почитаемъ былъ отъ нѣкоторыхъ упрямымъ; но онъ почиталъ то твердостью. Ибо подлинно, по большей части держался своихъ мыслей и внутреннихъ увѣреній; и потому, что наиболѣе находилъ другихъ мнѣнія и совѣты, или неосновательными, или пристрастными; а еще болѣе его въ томъ убѣждало, когда... болѣе онъ успѣвалъ и лучше оканчивалось, когда поступалъ по собственнымъ своимъ мыслямъ... Зѣло ревностенъ былъ къ чести духовенства и Церкви... Особенное было и отличительное отъ всѣхъ въ Платонѣ то, что мало находилъ онъ людей, дабы съ ними однихъ быть мыслей; но, по большей части, мысли его отъ другихъ были иныя; ибо примѣтно было, что сфера его понятія была выше другихъ; а была ли при томъ примѣсь пристрастія и самолюбія—о семъ судить единому Богу» ¹⁾. Послѣ этого самопризнанія, едва-ли нужно искать еще разгадку роли, какую въ большую часть церковнаго служенія пришлось играть «великому» Платону.

Но если митроп. Платону судьба не судила занять то мѣсто въ церковно-правительственной дѣятельности, какое, казалось, ему естественно принадлежало по его дарованіямъ, его сану и авторитету; то тѣмъ не менѣе его имя справедливо ста-

¹⁾ Автобіографія въ прил. у Снегирева, 4-е изд., стр. 260—263.

вится на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей церкви второй половины XVIII—нач. XIX вв. Его мощная фигура высоко возвышалась надъ современнымъ церковнымъ горизонтомъ—и хотѣли или не хотѣли, Платона нельзя было вычеркнуть со страницъ исторіи. Не говоря о блестящемъ проповѣдническомъ талантѣ, заслугахъ ученыхъ и пастырскихъ, общество цѣнило въ немъ умъ, широкую образованность и именно тѣ качества, которыя на служебномъ поприщѣ создавали ему не мало огорченій. Прямота, искренность, неподкупная честность, самое неумѣнье заискивать предъ сильными міра и ломать себя въ угоду другимъ невольно подкупали общественное мнѣніе, которому, навѣрно, казалось обидной несправедливостью, что маститаго іерарха часто обходятъ, съ нимъ мало считаются и преждевременно сдали его, такъ сказать, въ архивъ. «Слѣпое уваженіе» публики отчасти смягчало для Платона горечь отъ недостатка уваженія въ тѣхъ, на кого онъ имѣлъ бы право рассчитывать. И въ то время, какъ другія звѣзды на церковномъ горизонтѣ исчезали болѣе или менѣе безслѣдно, Платонова звѣзда, дѣйствительно, достигала свѣтомъ и за предѣлы своей земли, а равно свѣтила далекому потомству. Ни о комъ другомъ, какъ о Платонѣ, вспомнилъ Наполеонъ, когда ему понадобилось завести, хотя безплодные, разговоры о соединеніи церквей ¹⁾. И ни къ чьему другому, какъ Платонову авторитету, обращались многіе и послѣ его кончины для разрѣшенія разныхъ вопросовъ церковной жизни. И историкъ всегда долженъ будетъ остановиться предъ именемъ Платона, быть можетъ, дольше, чѣмъ предъ именами другихъ его современниковъ, ближе стоявшихъ къ кормилу церковной власти, но не оставившихъ въ своей памяти того, что рождаетъ общественное уваженіе и даетъ право на историческое безсмертіе.

Б. Титлиновъ.

¹⁾ Снегиревъ, ч. II, стр. 33—35.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки